

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: К ИТОГАМ ДИСКУССИИ

А.Я. РУБИНШТЕЙН

Социальный либерализм и консоциативный патернализм

В статье представлен анализ публикаций в рубрике “Социальный либерализм” и авторское видение итогов почти четырехлетней дискуссии. Рассмотрены неоклассические принципы рационального поведения и методологического индивидуализма в контексте изучения природы патернализма, лежащего в основе теории опекаемых благ. Обсуждаются политологические вопросы формирования нормативных интересов общества и рассмотрены теоретические и прикладные аспекты концепции консоциативной демократии, обеспечивающей либерализацию институтов принятия политических и экономических решений. Выявлена закономерность эволюции патернализма в сторону его институциональной либерализации и сформулирована гипотеза, объясняющая, почему экономическая политика в современной России по-прежнему находится где-то между архаичным и мериторным патернализмом.

Ключевые слова: опекаемые блага, рациональное поведение, индивидуализм, релятивизм, мериторика, патернализм, консоционализм, институты.

Настоящая работа относится к теории опекаемых благ и продолжает обсуждение ряда теоретических проблем, представленных в статье “Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии” [Рубинштейн 2012], открывшей дискуссии на страницах журнала и ставшую основной темой XIV ежегодной международной конференции из цикла “Леонтьевские чтения” (Санкт-Петербург, февраль 2015 г.), где автор выступил с докладом “Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное” [Рубинштейн 2015].

Подводя итоги этих обсуждений, превратившихся во многом в обсуждение мотиваций государственной активности, затронувшее разные аспекты теоретической экономики, подчеркну, что с точки зрения философии и методологии экономической науки она вновь вывела на авансцену категорию патернализма¹ с присущим ему

¹ Не забывая критического анализа Дж. Локка, следует отметить, что сам термин “патернализм” впервые появился в конце XIX столетия [Pique de Bry 1980]. Некоторый всплеск внимания к понятию “патернализм” наблюдался в конце XX в. при описании соответствующего типа социально-трудовых отношений [Perrot 1979; Debouzy 1988; Noiriel 1988; Темницкий 2015] и в рамках поведенческой экономики, предложившей концепцию либертарианского или нового патернализма [Sunstein, Thaler 2003; Sunstein, Thaler 2009; Camerer, Issacharoff, Loewenstein, O'Donoghue, Rabin 2003]. См. также [Левфевр 2008; Капелюшников 2013].

нормативным содержанием. Если же сузить патернализм до границ опекаемых благ, оставляя в стороне традиционные для данной категории патриархальные аспекты “отцовской заботы” государства о своих гражданах, избегая как негативную коннотацию данного понятия, так и его социальную интерпретацию в контексте “социальной защиты” или “поддержки социальной сферы”, то в центре исследования остается сама государственная активность.

В связи с этим следует обратить внимание на один специальный вопрос, уточняющий связь государственной активности и патернализма: возможно ли действия государства, не обусловленные патернализмом? С позиций теории опекаемых благ тут нет никакого смысла: любое вмешательство государства в рыночные отношения, включая осуществление его экономической, социальной или иной политики, в основе своей всегда имеет некие нормативные установки “патера”. И в контексте настоящей статьи неважно, чем они обусловлены – выводами макроэкономических моделей, чисто политическими решениями, вызванными соответствующими ценностными предпочтениями или иными соображениями, включая задачи либерализации экономики².

При этом теория опекаемых благ рассматривает различные стороны экономической деятельности государства, относящиеся к изъянам рынка, общественным и мериторным благам, “болезни Баумоля” и т.п. [Рубинштейн 2009^a]. Речь идет о воспроизводящихся рыночных провалах и не менее регулярных провалах государства; в реальном мире нет условий, когда механизмы саморегулирования способны действовать безошибочно, как и нет исключительно верных государственных решений, которые бы устраняли изъяны рынка и реализовали общественные интересы. Добавлю, что и общественные блага всегда остаются мотивом государственной активности. По-видимому, не исчезнет и “воспитательное” стремление государства приблизить поведение индивидуумов к неким желательным для общества нормам [Якобсон 2016], что многократно подтверждают эмпирические исследования в рамках концепций мериторных благ и либертарианского патернализма.

Подчеркну, в этих рассуждениях нет призывов к патернализму и тем более возврата “к трактовкам государственных финансов полувекковой давности” [Тамбовцев 2014, с. 33]³. Речь идет о теориях, которые объясняют государственную активность с пониманием того, что она всегда носит нормативный характер, но далеко не всегда направлена на рост благосостояния общества и его членов⁴. Ситуация вряд ли изменится и при особом сценарии развития, когда индивидуум, рынок и государство будут эволюционировать в соответствии с “коллаборативизмом” [Полтерович 2015, с. 45–47]. Даже в этом оптимистичном случае нельзя, наверное, обойтись без государственной активности, которая может приобретать и какие-то иные формы⁵.

² Отмечу парадокс, на который обратил внимание Э. Паин, выступая 12 октября 2015 г. на заседании круглого стола, организованного “Либеральной миссией”. Он заметил, что сам либерализм есть дитя патернализма, ибо идеи либерализма, если не исходить из его божественной природы, появились исторически недавно и развивались в обществе благодаря соответствующим установкам “патера”, в роли которого выступали отдельные мыслители и политические лидеры.

³ Замечу также, что если под социальными-значимыми благами (СЗБ) В. Тамбовцев понимает то же самое, что и создатели концепции экономической социодинамики (КЭС), которые вслед за Р. Масгрейвом, еще в 2000 г., предложили такие товары и услуги (*merit goods*) называть мериторными благами [Гринберг, Рубинштейн 2000], то его критику концепции мериторных благ (СЗБ) никак нельзя назвать новой. Она лишь повторяет старые антимериторные аргументы (см. [Head 1988; Schmidt 1988; Tietzel, Muller 1998; Рубинштейн 2009^b]). При этом следующая характеристика СЗБ – «иногда их называют “мериторные” или “опекаемые блага”» [Тамбовцев 2014, с. 28], заставляя усомниться в корректности использования этих понятий. Хронологически более точно, наверное, говорить, что мериторные блага “иногда” называют СЗБ, но никогда их нельзя представлять в качестве “опекаемых благ”, ибо они – только часть последних [Рубинштейн 2009^a].

⁴ Отмечу несколько запоздалую критику А. Заостровцевым “нормативно-позитивного вектора” государственной активности [Заостровцев 2015, с. 65], основанную на прежних моих работах, где не было ясно сказано, что нормативные установки “патера” могут носить и негативный характер. В докладе на “Леонтьевских чтениях” 2015 г. этот недостаток был устранен (см. также [Рубинштейн 2015, с. 6, 33–34]).

⁵ Приведу слова английского философа, автора книги “Либерализм”, Г. Самуэля: “...долг государства – обеспечить всем своим членам и всем другим, на которых распространяется его влияние, полнейшую возможность вести наилучшую жизнь” [Самуэль 2010, с. 2]).

Иначе говоря, государственная активность, по природе своей имеющая патерналистское содержание, судя по всему, навсегда остается элементом экономических отношений и никогда не может исчезнуть, разве что в мечтах последователей политического индивидуализма [*Шумпетер* 2001, с. 1171] или в абстрактных моделях, где выполняется совокупность неких *идеальных* условий. При этом неоклассическая теория с ее жесткими исходными условиями не дает удовлетворительного описания такого поведения государства. Поиск же адекватных объяснений толкает к пересмотру некоторых ее базовых предпосылок и на этой основе к модификации самой теории.

Иррациональность и патернализм

Начну с фундаментального условия рационального поведения, объединившего в себе австрийский методологический субъективизм, в соответствии с которым индивидуальные предпочтения принимаются как данность, с неоклассическим допущением, что каждый индивидуум выбирает лучший вариант, оптимизирующий его благосостояние. Все остальное делает невидимая рука, обеспечивающая благосостояние общества, которое дефинитивно представляется как агрегат благосостояний индивидуумов. Если же возникают потери общественного благосостояния, они объясняются провалами рынка и служат обоснованием государственных интервенций, направленных на их устранение. Не развивая этот известный сюжет, подчеркну главное: принципиальное допущение данной теории – строго рациональное поведение индивидуумов, максимизирующих свое благосостояние.

Регулярная критика этого “идеального условия”, начавшаяся, по-видимому, с Т. Веблена, сопровождает данный онтологический принцип всю последующую его историю. Первая значимая ревизия данной предпосылки связана, наверное, с работами Дж. Катоны и Г. Саймона [*Katona* 1951; *Simon* 1955]. Последний подверг сомнению способность людей правильно оценивать свой выбор [*Simon* 1955; *Саймон* 1993]. Он же ввел в научный оборот утвердившуюся в литературе категорию “ограниченная рациональность” [*Simon* 1955; *Simon* 1957]. После его работ все чаще стало проявляться скептическое отношение к постулату рациональности.

Ослабление этого “идеального условия” нашло отражение в теориях общественных товаров и мериторных благ, где было снято “табу” с иррационального поведения индивидуумов. И если в теории общественных товаров “неправильные” решения признавались лишь косвенно – объясняя “фрирайдерство”, П. Самуэльсон ввел в научный оборот “ложный сигнал индивидуумов об отсутствии спроса на общественное благо” [*Samuelson* 1954], то в мериторике Р. Масгрейва были описаны стандартные случаи иррационального поведения [*Musgrave* 1959; *Musgrave, Musgrave, Kullmer* 1994].

В соответствии с особыми свойствами общественных товаров индивидуумы сознательно скрывают свои предпочтения. В мериторной же среде искаженный сигнал о спросе возникает из-за неосознанной иррациональности. Скепсис в отношении оптимизирующего поведения людей, как бы ни были определены их интересы, собственно, и породил мериторику с ее явно выраженным *мериторным патернализмом* и вмешательством в потребительские предпочтения [*Musgrave* 1959, p. 13; *D'Amico* 2009].

Другими словами, в теории общественных товаров и мериторике, допускающих нерациональные действия индивидуумов, и приходится отказываться от австрийского субъективизма. Признавая сам факт иррациональности, исследователь вынужден иметь в виду и такое поведение, которое можно назвать рациональным⁶. Подобная дихотомия неизбежно приводит к двум “стандартам оценки” и порождает в рамках ис-

⁶ Несколько в другом контексте на это же обратил внимание Дж. Доци: «Выражение “ограниченная рациональность” мне не нравится, в нем содержится намек на некую “олимпийскую рациональность”, с высот которой мы можем судить, насколько “ограничено” то, что ограничено» [Доци 2012 с. 40]. Заметим, что австрийский субъективизм отвергает понятия рациональность и иррациональность. «Человеческая деятельность всегда необходимо рациональна. Понятие “рациональная деятельность” избыточно и в качестве такового должно быть отброшено» [*Musces* 2005, с. 22].

ходных предпосылок неразрешимые вопросы – что считать поведением индивидуума, соответствующим его “истинным” предпочтениям, и как реальное поведение соотносится с тем, что признано рациональным?

Ничего не добавляет здесь и известная модель Р. Талера, Х. Шеффрина, постулирующая “раздвоение личности” – одновременное исполнение человеком ролей безвольной жертвы искуителя (я-исполнитель) и ее рационального антипода и “гордости создателя” (я-программатор). Если “исполнитель” ориентируется на эгоистические и близорукие действия, то “программатор” стремится к реализации долгосрочных и просвещенных интересов [Thaler, Shefrin 1981]⁷. Как бы ни объяснять эту двойственность, подчеркну главное – сам факт детабуирования иррационального поведения означает пренебрежение принципом методологического субъективизма, переход к множественности “Я” и фактическую легитимацию патернализма, направленного на поддержку того “Я”, которое обеспечивает приближение к нормативным установкам “патера”.

Естественно, что теория благосостояния, опирающаяся на рациональность индивидуума, считает, что патернализм подрывает либеральную доктрину. В каком-то смысле это действительно так, но лишь в той мере, в какой принцип рационального поведения можно считать универсальным. При этом в последние 30–40 лет появились исследования в области поведенческой и экспериментальной экономики, которые, хотя и в лабораторных условиях, но получили множество эмпирических подтверждений нерационального поведения людей. В результате к началу XXI в. накопилась представительная коллекция “аномалий”, демонстрирующих примеры поведения индивидуумов, не только склонных ошибаться, но и регулярно делающих ошибки [Kahneman, Tversky 2000; Thaler 2000; Канеман, Тверски 2003; Павлов 2007; Павлов 2011; Капелюшников 2013].

Предлагаемые обстоятельства потребовали ответа: не вписывающиеся в границы стандартной теории эмпирические факты нуждались в объясняющей интерпретации. Следует подчеркнуть также, что на этом поприще поведенческие экономисты лишь продолжили мериторную аргументацию (см. [Либман 2013, с. 32, 38]), основанную на идее множественности “Я”, усилили ее и превратили в свой главный методологический прием [Thaler, Shefrin 1981; Sunstein, Thaler 2003]. Иначе говоря, они также пошли по пути отказа от принципа “методологического субъективизма”, сохраняя и развивая тем самым патерналистский тренд в попытках разрешить противоречие между теоретической предпосылкой рациональности и реалиями иррационального поведения.

Мне бы не хотелось преувеличивать степень перемен в методологии экономической науки. Некоторые экономисты по-прежнему с очень большой настороженностью относятся к пересмотру предпосылки рационального поведения индивидуумов. Думаю, что критика принципа рациональности со стороны мериторики и поведенческой экономики свидетельствует лишь о некоторых исключениях в моделях рационального выбора, которые, с точки зрения этих теорий, нуждаются в более глубоком анализе и соответствующих обобщениях. Главным же здесь остается иной вопрос: нужно ли в объяснении иррационального поведения людей отказываться от обеих составляющих категории рациональности. Мне кажется, такой необходимости нет. Оставаясь в границах методологического субъективизма с его требованием принимать индивидуальные предпочтения как данность, можно искать решение в иной трактовке оптимизирующего поведения. Ведь в соответствии с методологическим субъективизмом каждый человек в меру своего понимания, опираясь на собственные ценности и вкусы, ведет себя в конкретных обстоятельствах субъективно наилучшим образом. И если такое поведение оценивается как иррациональное или ограниченно рациональное, то это можно объяснить тем, что подобная оценка получена из *внешнего источника на основе*

⁷ Эта модель, опубликованная в “рабочих тетрадях” [Shefrin, Thaler 1978], восходит к более раннему исследованию, где Р. Шифрин и У. Шнейдер, рассматривая гипотезу о наличии у человека двух когнитивных систем, обнаружили “борьбу разума с интуицией” – прообраз будущих моделей с множественностью “Я” [Schneider, Shiffrin 1977].

присущего ему стандарта. С его позиций люди выбирали не самый лучший вариант, в том числе из-за мериторного дефицита знаний, воли и ресурсов⁸.

При этом и мериторика, и поведенческая экономика, и выросшие из них *либертарианский патернализм* [Sunstein, Thaler 2003; Sunstein, Thaler 2009] и *асимметричный патернализм* [Camerer, Issacharoff, Loewenstein, O'Donoghue, Rabin 2003] исходят из того, что действия государства, направленные на изменение сложившихся обстоятельств, способны улучшить, с точки зрения “патера”, качество поведения людей, помочь им осознать “правильно понимаемые интересы” и приблизить их предпочтения к некому нормативному стандарту. И главное достоинство такой конструкции, по мнению лидеров данного направления, заключается в том, что политика подталкивания (“*nudge*”) устраняет противоречие между патернализмом и свободой выбора [Sunstein, Thaler 2003, p. 1188]. Не вполне соглашаясь с этим утверждением, замечу, что само подталкивание – инструментарий, который перешел из мериторики, представляющий собой создание условий, когда индивидуум, выбирая субъективно лучший для себя вариант, реализует нормативный стандарт или, по крайней мере, приближается к нему⁹.

Эти рассуждения можно продолжить и в отношении теории игр, также опирающейся на принцип рациональности, и где, как известно, в результате некооперативных действий индивидуумов их совокупность в целом может перейти в положение, противоречащее целям каждого из них. Из-за “несовершенных” правил игры (институциональной среды) рациональное поведение индивидуумов может приводить к потерям благосостояния [Майерсон 2010, с. 29], то есть к эмпирически наблюдаемой иррациональности (равновесие Нэша). При этом изменение правил игры, в соответствии с тем же патерналистским пониманием “как должно быть”, может подтолкнуть индивидуумов к выбору такой доминирующей стратегии, в которой их предпочтения будут соответствовать нормативному стандарту, обеспечивающему эффективное по Парето равновесие.

Другими словами, методология Нэша дает возможность при тех же обоснованиях патерналистской активности сохранить базовую предпосылку субъективной рациональности индивидуумов, замещая двоемыслие и множественность “Я”, присущие мериторике и поведенческой экономике, положением о неэффективной институциональной среде. При использовании методологии Нэша все виды патернализма легко вписываются в инструменты модернизации институциональной среды. Вместе с тем и здесь остается вопрос определения нормативного стандарта – генерирования знания “как должно быть”, которое, собственно, и определяет характер и конкретные направления институциональной модернизации, подталкивающей индивидуумов к выбору “правильной” стратегии.

⁸ Отвлекусь на небольшой комментарий. Несмотря на австрийский вердикт *de jure* «В приложении к конечным целям деятельности понятия “рациональный” и “иррациональный” неуместны и бессмысленны» [Мизес 2005, с. 22], *de facto* Мизес подтверждает мериторные аргументы иррационального поведения: “Разумеется, всегда будет существовать индивиды или группы индивидов, интеллект которых настолько ограничен, что они неспособны осознать выгоды, которые предоставляет им общественное сотрудничество. Моральные устои и сила воли других настолько слабы, что они не могут сопротивляться искушению добиться эфемерных преимуществ посредством действий, наносящих вред равному функционированию общественной системы. Ибо приспособление индивида к требованиям общественного сотрудничества требует жертв. Конечно, эти жертвы временны и мнимы, так как с лихвой компенсируются несравненно большей выгодой, которую обеспечивает жизнь в обществе. Однако в данное мгновение, в течение самого акта отказа от ожидаемого наслаждения, они являются болезненными, и не каждый может осознать их будущую выгодность и вести себя соответственно” [Мизес 2005, с. 140]. И тот же Мизес страницей раньше пишет: “Утилитарист... не требует от человека отказа от собственного благополучия ради общества. Он рекомендует ему осознать, в чем состоят его правильно понимаемые интересы” [Мизес 2005, с. 139]. Но как все-таки быть с теми, кто не могут осознать правильно понимаемые интересы и будущую их выгодность? Не должно ли в этом случае общество создавать условия, чтобы люди могли “вести себя соответственно”?

⁹ В стандартном примере поведенческих экономистов у потребителя есть выбор между комплексным обедом и заказом по меню. При этом умалчивается, на основе чего формируется комплексный обед (нормативный стандарт), к которому подталкивается потребитель. Пусть в мягкой форме, но и здесь индивидууму навязываются определенные предпочтения.

Остановлюсь теперь на исходных предпосылках теории опекаемых благ, претендующей на определенное обобщение концепции рыночных провалов, теории общественных товаров и мериторных благ, включая либертарианский и асимметричный патернализм и даже отдельные аспекты некооперативной теории игр – теоретических построений, связанных с патерналистскими действиями государства [Рубинштейн 2011]. Повторю в связи с этим главную дефиницию: опекаемые блага – это такие товары и услуги, в отношении которых государство имеет нормативный интерес¹⁰. Здесь, собственно, и проявляются родственные связи теории опекаемых благ с указанными концепциями. Замечу также, что, кроме общего, в этих теоретических построениях есть и особенное. Сохраняя в основании теории опекаемых благ принцип методологического субъективизма и рассматривая поведение людей как данность, я исхожу из того, что они действуют субъективно рационально, в том числе и в ситуациях, описанных Масгрейвом, а позже и поведенческими экономистами. При этом для объяснения их поведения не обязательно прибегать к достаточно искусственной гипотезе двоемыслия.

Особенность теории опекаемых благ заключается не в отрицании феномена двойственности предпочтений, а в ином понимании его природы. В моем представлении подобная двойственность обусловлена существованием двух источников оценки, каждый из которых имеет свои предпочтения, но никак не предполагает двоемыслия одного и того же индивидуума. Ситуация, описанная в мериторике и повторенная в поведенческой экономике, когда о второй своей мысли сами индивидуумы часто не знают, но о ней ведают третьи лица, которые ради их счастья стимулируют именно эту мысль, страдает принципиальным пороком. Как гласит один из принципов римского частного права: желание не может быть признано несправедливым – *“volenti non fit iniuria”*.

Собственно, исходя из этого, в теории опекаемых благ и была предложена иная трактовка феномена двойственности предпочтений. В основании данной теории лежит принцип методологического субъективизма, в соответствии с которым поведение индивидуума следует трактовать “с субъективной точки зрения как то, к чему стремится действующий человек, потому что в его глазах это желательно” [Мизес 2005, с. 24]. Одновременно с этим теория опекаемых благ допускает существование внешнего источника оценки, автономного носителя нормативного стандарта.

Завершая обсуждение теоретических аспектов патернализма, можно, перефразируя известную формулу, сказать, что патернализм возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку поведение людей признается нерациональным или неэффективной оказывается институциональная среда, в которой они действуют. При этом остается вопрос: что представляет собой внешний источник оценки, устанавливающий эту нерациональность или неэффективность, и как институционально обеспечивается формирование нормативных установок “патера”, выступающего от имени общества и декларирующего свои предпочтения в качестве общественного интереса?

Релятивизм vs индивидуализм

Экономическая теория рассматривает, как известно, две основных версии общественного интереса. В одном случае речь идет о рыночной координации поведения индивидуумов, в процессе которой формируется их совокупный интерес, в другом – допускается существование автономного интереса социума, несводимого к предпочте-

¹⁰ Теория опекаемых благ, вслед за мериторикой, рассматривает и такие товары (к примеру, наркотики или алкоголь), индивидуальный спрос на которые ограничивается государством. Замечу также, что нормативные установки государства, как уже отмечалось, далеко не всегда направлены в сторону общественного благополучия. Примеров тому в истории слишком много. Подчеркну другое. В этом вопросе теория опекаемых благ [Рубинштейн 2013, с. 45–46] стоит фактически на одинаковых позициях с австрийской школой: “Зло, причиняемое плохой идеологией, разумеется, гораздо губительнее как для индивида, так и для общества в целом, чем наркотики” [Мизес 2005, с. 687].

ниям индивидуумов [Гринберг, Рубинштейн 1998]. В теории опекаемых благ присутствуют обе ветви генерирования общественного интереса – рыночная и политическая. В рамках последней возникают нормативные установки, определяющие природу и содержание патернализма [Рубинштейн 2014, с. 497–501].

Наряду с тем, что этот подход был встречен участниками журнальной дискуссии с известным пониманием (см., например, [Курбатова, Левин 2013, с. 81–83; Мельник 2015, с. 19–20; Якобсон 2016, с. 98], мне нередко приходилось слышать упреки явные и мнимые. Выделю два из них, заслуживающих специального комментария. Во-первых, критике подвергается постулирование несводимого интереса социальной общности. Это правда, но только часть правды. Речь идет о замене одного из постулатов неоклассической теории – методологического индивидуализма, более общей исходной посылкой. В этом смысле методологический индивидуализм и замещающий его принцип релятивизма имеют одинаковую аксиоматическую природу.

И хотя мой партнер по дискуссиям в эпистолярном жанре – А. Либман обращает внимание на неравнозначность указанных постулатов, полагая, что “проще допустить, что все сводится к действиям хорошо наблюдаемых и известных нам индивидов, чем строить более сложную теорию” [Либман 2013, с. 28], полностью согласиться с ним не могу. Конечно, “проще предположить, что все сводится к действиям индивидов”, но дело в том, что это универсальное предположение не позволяет объяснить целый класс явлений. В согласии с данной предпосылкой, в частности, невозможно определить нормативный стандарт в теориях общественных и мериторных благ, в концепции нового патернализма.

О втором упреке упоминает Л. Якобсон: “Оппоненты А. Рубинштейна справедливо отмечают, что он не доказал несостоятельности методологического индивидуализма, с критики которого начинается его статья”. При этом буквально в следующей фразе тот же Якобсон пишет: «Но, если присмотреться к ее логике, оказывается, что принцип комплементарности полезностей, который выдвигает автор, по сути, предложен не в качестве единственно пригодного для объяснения реалий, а в качестве наиболее подходящего, чтобы легитимировать преимущественное влияние “других людей”, “мериторов” на принятие политических решений» [Якобсон 2016, с. 91].

Это тоже правда, но и в данном случае не вся. Во-первых, использование метода релятивизма вовсе не направлено на доказательство “несостоятельности методологического индивидуализма”. Потому и упрек в недоказанности нельзя считать справедливым просто в силу отсутствия такой задачи. Критика моя относится лишь к его абсолютизации, на что, в частности, обращает внимание и Дж. Ходжсон, отмечая, что многие исследователи рассматривают данный метод как “якобы универсальный принцип для социальных наук” [Hodgson 2007, p. 214]. Во-вторых, дело не в легитимации влияния “других людей”, а в описании реальных процессов принятия политических решений: наряду с рыночной ветвью генерирования общественных интересов, релятивизм предоставляет возможность рассматривать политическую ветвь, где формируются нормативные установки “патера”.

Следует особо отметить, что в нашей журнальной дискуссии довольно большое внимание было уделено методологическим вопросам общей доктрины индивидуализма. Поэтому в настоящей статье я сделаю специальный акцент на самой категории методологического индивидуализма, на теоретическом анализе его интерпретаций различными исследователями. В связи с этим должен согласиться с общим утверждением В. Автономова, который подчеркивает, “что существенная часть дискуссии вытекает из смешивания различных значений этого понятия” [Автономов 2014, с. 54]. Примерно о том же пишет Ходжсон: «Пропаганда “методологического индивидуализма” широко распространена, особенно среди экономистов». И далее: “...методологический индивидуализм не имеет ни одного общепринятого определения. Кроме того, обычно используется в способах, которые отличаются от значения, придаваемого ему Шумпетером, который придумал этот термин” [Hodgson 2007, p. 211, 222].

Замечу, что наделение различными смыслами данного методологического принципа и (наверное, прав Ходжсон) отсутствие достаточно строгих дефиниций породили широкое семейство “методологических измов”, в которых используются всевозможные интерпретации и трактовки указанного понятия. Это, к примеру, “институциональный индивидуализм” [Agassi 1960; Toboso 2001], “прагматический методологический индивидуализм” [Coleman 1991], “методологический структурализм” [Hodgson 2007], “методологический институционализм” [Hodgson 2007; Кирдина 2013^b]¹¹. В этом же, далеко не полном, ряду понятия “политический индивидуализм” и “социологический индивидуализм”, впервые введенные в научный оборот еще в начале XX в. [Шумпетер 2001, с. 1172]¹².

Примерно на ту же ситуацию обращает внимание Л. Уден, указывая на наличие разных по содержанию версий методологического индивидуализма, а также на то, что некоторые из них содержат в себе и элементы холизма. При этом “главный водораздел проходит между сильными версиями методологического индивидуализма, которые предполагают, что все социальные явления должны быть объяснены только в терминах индивидов и их взаимодействий, и слабыми версиями методологического индивидуализма, которые в объяснениях социальных феноменов отводят важную роль институтам и/или социальной структуре” [Udehn 2002, p. 479]. Не претендуя на строгую классификацию различных интерпретаций методологического индивидуализма, выделю несколько признаков, по которым можно отличать их содержание друг от друга и объяснить введение указанных выше вариативных категорий.

Прежде всего речь идет о веберовской “элементарной частице” и его “понимающей социологии”, которая рассматривает отдельного индивидуума и его действия как первичную единицу: “Действие в смысле субъективно понятной ориентации поведения существует только как поведение одного или нескольких отдельных человеческих существ” [Weber 1968, S. 13]. Если остановиться только на этом признаке, мы получим совокупность самых узких трактовок методологического индивидуализма, которыми Вебер и многие его последователи не ограничивались.

В качестве второго признака, раздвигающего границы “сильной версии” методологического индивидуализма, служит включение в анализ институтов. “Этот подход позволяет исследователю дать не холистические и не редукционистские объяснения, в которых формальные и неформальные организационные аспекты, связанные с человеческими взаимодействиями, могут быть использованы в качестве объясняющих переменных” [Toboso 2001, p. 766]. Хочу обратить внимание также на следующий фрагмент статьи известного специалиста по веберовской программе исследований: “...методологический индивидуализм означает прежде всего необходимость проведения анализа макросоциальных структур и процессов с точки зрения их обоснования на микроуровне” [Шлюхтер 2004, с. 38].

¹¹ Отмеченная Ходжсоном тенденция вкладывать разный смысл в одно и то же понятие проявилась и в отношении категории “методологический институционализм”. С. Кирдина, например, так характеризует этот принцип: «В настоящее время “методологический институционализм” представляется нам достаточно адекватной оппозицией принципу методологического индивидуализма и по смыслу, и по названию» [Кирдина 2013^a, с. 37]. Ходжсон же, использовавший это понятие, никак не имел в виду *опозицию* методологическому индивидуализму. Скорее наоборот, он отождествлял “методологический институционализм”, “методологический структурализм” с “методологическим индивидуализмом” [Hodgson 2007, p. 219–220]. Впоследствии, правда, Кирдина изменила свою трактовку “методологического институционализма”, придав ему, по сути, релятивистское содержание и обнаружив в данном принципе потенциал социального анализа на мезоуровне [Кирдина 2015, с. 8].

¹² Именно данную разновидность “измов”, по-видимому, исповедует Тамбовцев, не ведающий в том сомнений и считающий иные взгляды искажением базового методологического принципа [Тамбовцев 2008, с. 132; Тамбовцев 2013, с. 45]. Такую же, крайнюю, позицию занимает Е. Балацкий: “...хотелось бы присоединиться к мнению В. Тамбовцева о том, что методология индивидуализма, а соответственно, и либертарианства, многими исследователями намеренно искажается” [Балацкий 2014, с. 19]. Замечу, что в этом не слишком корректном “намеренно искажается”, сам Балацкий, осуждающий “обличение явных и мнимых пороков либерализма... в форме оскорблений и обзываний” [Балацкий 2014, с. 19], при рассмотрении альтернативных взглядов изменяет указанным правилам ведения научной дискуссии.

Итак, анализ макросоциальных структур и процессов также должен входить в “орбиту” методологического индивидуализма. Рассмотрение социальных структур, собственно, и является тем третьим признаком, который обуславливает отличие разных версий данного методологического принципа. При этом редукция, на которую опираются сторонники узкой версии и обоснование макросоциальных структур на микроуровне оказываются, как известно, не всегда возможными. По мнению же Мизеса, “методологический индивидуализм вовсе не оспаривает значимость коллективных целостностей, считая одной из основных своих задач описание и анализ их становления и исчезновения, изменяющейся структуры и функционирования” [Мизес 2005, с. 43].

Есть и четвертый признак, в соответствии с которым в анализ включаются внутриндивидуальные, межиндивидуальные и надындивидуальные факторы, формирующие поведение отдельных индивидуумов. В их числе факторы, отражающие интересы коллективных целостностей, которые в определенном смысле корреспондируют с холистическим подходом¹³. Как и в первых трех случаях, далеко не все исследователи готовы рассматривать четвертый признак; “проблема здесь, очевидно, заключается в том, можно ли считать, что общество всегда больше суммы своих членов или же его поведение может быть без остатка сведено к поведению последних” [Автономов 2014, с. 54]¹⁴.

По-видимому, существуют и другие основания, по которым можно попытаться разделить множество не очень строгих суждений о методологическом индивидуализме. Их авторы в каждом конкретном случае адаптировали данный методологический принцип к задачам соответствующих теоретических конструкций. В этом смысле маржинализм и общая теория равновесия демонстрируют яркий пример его приспособления к “собственным нуждам”, с которым, однако, не вполне соглашаются институциональная теория, мериторика и поведенческая экономика, включая либертарианский и асимметричный патернализм, изучающие поведение индивидуумов в более широком социальном контексте.

Соглашусь еще с одним утверждением Автономова: «Прилагательное “методологический” не может удержать от размышлений о соотношении общественных и личных интересов, которые имеют долгую историю со времен пресловутого “Левиафана” Т. Гоббса... Поэтому для начала хотелось бы вернуться к его первоисточнику – работам Й. Шумпетера» [Автономов 2014, с. 53]. Наверное, для того, чтобы разобраться в массиве родственных, но отличающихся друг от друга категорий, нужно понять, что же все-таки имел в виду Шумпетер, на которого так часто ссылаются экономисты, и в какой мере последующие исследователи вкладывают в этот принцип иное содержание, приспособив его к своим нуждам.

Шумпетер ввел три понятийных категории – политический, социологический и методологический индивидуализм. «Под “политическим индивидуализмом” мы подразумеваем подход с позиций *laissez-fair* к экономической политике». В этом контексте

¹³ Согласно одному из “отцов” методологического коллективизма, Э. Дюркгейму, “общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *suū generis*, наделенную своими особыми свойствами” [Дюркгейм 1995, с. 119]. При этом в своей крайней форме, как известно, холизм предполагает подчинение интересов отдельных индивидуумов интересам общества как такового. Однако такое подчинение не является обязательным требованием рассматриваемого четвертого подхода к объяснению поведения отдельных индивидуумов. Поэтому не могу согласиться с замечанием Автономова, что выражающему интересы общества “политически агрегированному индивиду... видимо, должен быть придан больший удельный вес” [Автономов 2014, с. 55]. Важное отличие КЭС и теории опекаемых благ от архаичного холизма, подчеркну это особо, – то, что дополнение индивидуальных интересов общественными не предусматривает никакой их иерархии [Гринберг, Рубинштейн 2013, с. 425; Рубинштейн 2014, с. 497–500].

¹⁴ Допуская существование эмерджентных свойств общества и признавая тем самым, что оно “больше суммы своих членов”, Тамбовцев, вместе с тем, считает, что «свойство “иметь потребности” ... требует эмпирического доказательства (или подтверждения)» [Тамбовцев 2013, с. 46]. Мне ближе позиция Автономова, и с точки зрения теории опекаемых благ таких подтверждений в реальной жизни сколь угодно много. К ним относятся любые нормативные установки “патера”, декларируемые от имени всего общества в качестве его эмерджентного свойства.

рекомендации могут базироваться исключительно на рыночных решениях, в основе которых лежат предпочтения индивидуумов. И хотя, как отмечает Шумпетер, большинство теоретиков не придерживалось ничем не ограниченного принципа *laissez-fair*, “при обсуждении практических приложений теории всякий раз шли на поводу у дурной привычки давать волю своим политическим предпочтениям” [Шумпетер 2001, с. 1171]. Надо сказать, что эти “дурные привычки” продолжают влиять на взгляды ряда теоретиков или теоретизирующих экономистов.

«Под “социологическим индивидуализмом” мы понимаем широко поддерживающуюся в XVII и XVIII вв. точку зрения, согласно которой суверенный индивид представляет собой базовую единицу исследования в общественных науках. Все социальные феномены сводятся к решениям и действиям индивидов, которые не следует далее анализировать с привлечением надындивидуальных факторов». И дальше: “... в той мере, в какой эта точка зрения представляет собой теорию социального процесса, она, конечно, неприемлема” [Шумпетер 2001, с. 1172]. Прочитую вновь Автономова: «... под методологическим индивидуализмом часто понимается *принципиальное*, обязательное объяснение социальных феноменов через действия индивидов без привлечения каких-либо надындивидуальных факторов или субъектов. Это уже, если пользоваться терминами Шумпетера, не методологический, а “социологический” индивидуализм, – тот самый, который, по его мнению, неприемлем в качестве теории социального процесса» [Автономов 2014, с. 54].

Теперь – непосредственно о “методологическом индивидуализме” в понимании Шумпетера. Определяя это понятие, он обозначает довольно узкую область его применения и подчеркивает, что для специальных целей конкретных исследований можно начинать с анализа поведения индивида без обращения к обуславливающим его факторам. Так, «поведение домохозяйки на рынке можно анализировать, не углубляясь в изучение сформировавших его факторов. Попытка такого анализа может быть продиктована соображениями разделения труда между различными общественными науками и необязательно подразумевает некую теорию взаимодействия “индивида” и “общества”. В этом случае мы говорим о “методологическом индивидуализме”» [Шумпетер 2001, с. 1172].

Выделю особо ту часть цитаты, где Шумпетер объясняет возможность такого, довольно узкого, подхода соображениями разделения труда между общественными науками. Понятно, что междисциплинарный вектор развития современной науки данное объяснение явно обесценивает и придает “методологическому индивидуализму” краску ограниченности. В подтверждение этой ограниченности приведу вывод Автономова: «Таким образом, под методологическим индивидуализмом Шумпетер понимал сокращенный формат конкретного экономического (а именно, микроэкономического) исследования, когда можно для краткости и практичности абстрагироваться от факторов, сформировавших поведение индивидов... Это метод “чистой экономической теории”, которую Шумпетер считает лишь одной из составляющих экономической науки» [Автономов 2014, с. 53–54].

Итак, возвращение к истокам и непосредственно к Шумпетеру не сделало ситуацию более ясной. Исследователи, проповедующие, как они думали, методологический индивидуализм, а в действительности развивающие философию социологического (зачастую и политического) индивидуализма, неприемлемого, по Шумпетеру, для анализа социального процесса, оказались в плену ограниченных трактовок даже “чистой экономики”. Именно этим можно объяснить, по всей видимости, поиски исследователями “своих интерпретаций” базовых предпосылок и появление рассмотренных выше родственных “методологических измов”, имеющих зачастую близкие названия, но разные смыслы. В целом же, повторю вердикт Автономова, “ни методологический индивидуализм в узком смысле, ни методологический холизм не могут быть эксклюзивными основополагающими принципами социального исследования” [Автономов 2014, с. 56].

Исходя из такого же понимания, в теории опекаемых благ использован принцип *методологического релятивизма* [Лецак 2002, с. 38–42]. В рамках данной теории

он конкретизирован как принцип комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие интереса социума как такового наряду с частными интересами его членов. И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения их общности, существующие наряду с ними, в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Таким образом, речь идет о двух параллельных процессах, о *рыночной и политической ветвях* формирования общественного интереса [Рубинштейн 2015, с. 25].

Прошедшая дискуссия свидетельствует, что предложенный подход разделяют далеко не все экономисты: у одних он вызывает принципиальные возражения, у других – иную интерпретацию. Так, по мнению того же Автономова, в теории опекаемых благ «к обычным индивидам как бы добавляется еще один политически агрегированный индивид... Этот способ не выходит за рамки методологического индивидуализма в шумпетеровском понимании, если только не раскрывать факторы формирования функции полезности “агрегированного индивида”» [Автономов 2014, с. 55]. Данный вывод требует комментария.

Во-первых, среди множества родственных “измов” понятие “методологического релятивизма” показалось мне наиболее адекватным для подхода, развиваемого теорией опекаемых благ. Но дело не в обозначении данного принципа. Я готов использовать иное его название, включая “методологический индивидуализм в шумпетеровском понимании”, если такой “ребрендинг” допускает рассмотрение *надындивидуальных* факторов или субъектов, для объяснения поведения индивидуумов и государственной активности. В случае теории опекаемых благ – это наличие нормативного стандарта, то есть существование наряду с интересами отдельных индивидуумов нормативных установок, формируемых политической системой.

Во-вторых, возможность введения в анализ “политически агрегированного индивида” отвечает ключевому положению теории опекаемых благ о том, что наряду с интересами индивидов существует несводимый к ним интерес социальной целостности. И это утверждение, характеризующее политический процесс формирования нормативного интереса социума, несовместимо, как мне кажется, – выскажусь аккуратно, с онтологическим индивидуализмом, отвергающим такую особость.

В-третьих, имеется в виду не просто *еще один*, а совершенно особый актер – в терминах Автономова, “политически агрегированный индивид”. Его специфика обусловлена самим процессом политического агрегирования. Кроме того, в теории опекаемых благ как раз и предпринята попытка раскрытия факторов формирования функции полезности агрегированного индивида. Эта важная в методологическом отношении тема, ранее не представленная в моих работах, затрагивает институциональные и политологические аспекты нормативных интересов “патера”, дополняя теоретический анализ политической ветви их формирования.

При этом, уподобляя государство “политически агрегированному индивиду”, реализующему нормативный интерес общества, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные предположения правомочны лишь в том случае, если этот субъект наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения [Boudon 1979]. Поэтому очевидным фактором формирования функции полезности “политически агрегированного индивида” является некая институциональная система, позволяющая принимать решения от имени общества.

“Не уклоняясь за большинством”

Начиная с Аристотеля, социальные и политические философы искали решение этой проблемы в институте представительной демократии – по Аристотелю, в “республике”, где осуществляется правление с делегированием прав на принятие решений особым людям [Аристотель 1983]. Это те, кого его учитель – Платон, называл “философами” [Платон 1971, с. 275], и уже в другую эпоху Масгрейв относил к “инфор-

мированной группе людей” [Musgrave 1969, S. 16], а Шмидт – к “политикам” [Schmidt 1988, S. 384]. Это те индивидуумы, кто представляют, “как должно быть”, и способны артикулировать свои представления от имени социума. Характеризуя таких людей, Аристотель подчеркивал, что участие в политической жизни – привилегия немногих, равных между собой, но неравных другим жителям полиса, свободных граждан. Именно эти люди, неравные другим индивидуумам – будем называть их политиками, – будучи субъектами коллективных решений, формируют нормативные интересы общества, обращенные ко всем гражданам.

Рассматривая такие интересы, необходимо ответить на главный вопрос. Если они не могут быть представлены в виде агрегата предпочтений индивидуумов в рыночной ветви, то каковы механизмы их формирования в политической среде? Пытаясь ответить на данный вопрос, обсуждая интересы социальной целостности, я исхожу из уже обозначенной задачи определения факторов формирования функции полезности политически агрегированного индивида. Вполне вероятно, что некоторая недосказанность в прежних моих работах породила известное недопонимание КЭС, а затем и теории опекаемых благ со стороны ряда экономистов, приписывающих этим теориям чуть ли не метафизический характер.

Дело в том, что, если мы рассматриваем политическую ветвь формирования нормативных интересов социума, обосновывая их автономность и несводимость к интересам индивидуумов, участвующих в генерировании общественного интереса, выявляемого рыночным механизмом, то это вовсе не означает, что нормативные предпочтения общества определяет какой-то мистический орган. Конечно, нет. Как и в случае с рыночной ветвью, так и при формировании интереса общества “*sui generis*” участвуют конкретные люди – политики, вступающие во взаимодействие между собой и существующими институтами.

Причем, если в рыночной среде индивидуум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций собственной выгоды, то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с нормативным пониманием благосостояния общества. И в этом смысле речь идет о “других событиях”. Например, если в рыночной среде индивидуум решает вопрос, пойти ему в театр или купить хорошие персики, то в политической среде перед политиками встает иная альтернатива: надо ли поддерживать приобщение населения к театральному искусству или важнее потребление фруктов. Иначе говоря, в политическом процессе формирования общественных интересов, в отличие от рыночной ветви, рассматриваются “другие события”.

Следует обратить внимание и на “другое поведение”, потому что, в отличие от индивидуумов, предпочтения неравных им “политиков”¹⁵, действующих от имени общества, обусловлены в основном не личными, а общественными средствами. На возможность более низкой оценки полезности общественных ресурсов для людей, принимающих решения о направлениях государственных расходов, по отношению к их собственным средствам указывают многие факты¹⁶. Учитывая сказанное и вполне согласуясь с реальным положением дел, можно считать, что государственная активность, направленная на реализацию нормативных интересов общества, определяется коллективными решениями политиков со всеми особенностями их поведения.

Теория опекаемых благ подтверждает и широко распространенный вывод о том, что патернализм в любой форме государственной активности чреват укреплением государства, которое, как правило, дрейфует в сторону “Левиафана”. И в этом смысле

¹⁵ Прочитую здесь Якобсона, который подчеркивал “несходство социальной политики, которую узкий круг обладателей имущественных и властных ресурсов осуществляет в отношении большинства, лишенного этих ресурсов, с той, которая строится на основе репрезентации интересов и предпочтений большинства, обладающего ресурсами” [Якобсон 2016, с. 92].

¹⁶ Этот генетический порок общественных средств часто искажает мотивацию поведения политиков, о чем пишут многие, отмечая, что бюджетные средства распределяются на финансирование общественных товаров и ренту, которую присваивают политические и экономические элиты, стремящиеся сохранить и даже увеличить эту ренту.

действия государства могут наносить ущерб и приводить к потерям благосостояния отдельных индивидуумов и их совокупности в целом, что ставит вопрос о либерализации процессов принятия коллективных политических и экономических решений, о перераспределении властных полномочий в пользу институтов гражданского общества. В данной работе речь идет об институтах, не допускающих или ослабляющих монопольную власть правящего большинства. В связи с этим следует подчеркнуть, что коллективные решения, генерируемые политической ветвью, в отличие от рыночных механизмов саморегулирования, целесообразно рассматривать как результат дискурса, детерминированного сложившимися институтами и интересами властных элит, способными как приближать, так и отдалять общественный выбор от реальных потребностей общества [Тихонова 2013, с. 41–43; Урнов 2014, с. 26].

Справедливо и замечание о том, что “политический процесс обладает собственной логикой, во многих случаях не совпадающей с привычной логикой оптимизирующих экономических механизмов” [Радыгин, Энтов 2012, с. 26]. И если в недавнем прошлом доминировала концепция “благожелательного” и “благодетельного” государства, активность которого направлена исключительно на реализацию общественных интересов, то во второй половине XX в. все большую роль начинает играть тезис о смещении общественного выбора и связанных с ним политических решений в сторону интересов правящих элит [Stigler 1971].

Данный вывод корреспондирует с другим положением теории опекаемых благ, связанным с довольно распространенной точкой зрения, согласно которой истинный интерес общества всегда отличается от общественного выбора, реализуемого посредством парламентской процедуры [Лаффон 2007, с. 23]. Иначе говоря, политическая ветвь актуализирует лишь те интересы, которые признает сама политическая система, то есть совокупность действующих институтов и индивидуумов, включая политические и экономические элиты, а также парламент с его полномочиями. Именно эти интересы становятся нормативными интересами общества в результате соответствующих коллективных решений.

Существует обширная литература, в которой рассмотрены различные аспекты принятия коллективных решений, включая теорию общественного выбора и новую политическую экономию. Для них характерен взгляд на парламент как на совокупность индивидуумов-политиков, участвующих в выработке решений, главным образом путем различных вариантов голосования (принцип единогласия, квалифицированного или простого большинства). При этом структура парламента и наличие в нем разных фракций, сформированных оппозиционными партиями, оказывает воздействие лишь на процесс обсуждения, предваряющий голосование, и практически не влияет на его результаты. Иначе говоря, парламент чаще всего рассматривается в качестве совокупности политиков, определяющей нормативные интересы общества, соответствующие большинству голосов депутатов.

Здесь надо обратить внимание на фундаментальное противоречие, имманентное современному политическому процессу. С одной стороны, всякая демократическая система предполагает главенство большинства, с другой – подчинение большинства нередко трансформируется в “уклонение за большинством”¹⁷. Соглашаясь с предпочтением “многих” и уклоняясь за ними, политик рискует пройти мимо правильного выбора. Рискуют и все общество: подталкиваемое демократическим большинством, оно может оказаться вне зоны эффективных решений. Примеров тому достаточно.

¹⁷ “Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несетя под уклон с неудержимой стремительностью, то не оказаться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством” (цит. по [Ковельман 1996, с. 65]). Эти современного звучания слова принадлежат Филону Александрийскому – философу I в. н.э., соединившему в своих ученых трудах еврейскую традицию с греческой культурой. И, хотя А. Ковельман рассматривает их лишь как толкование (“*мидраш*”) к библейской заповеди – “Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, уклоняясь за большинством, чтобы извратить суд” (Исх. 23:2 – цит. по [Ковельман 1996, с. 65]), в данном случае важен лишь смысл сказанного, облеченный Филоном в изящную словесную форму.

Часто и даже слишком часто наша история демонстрирует абсолютное несовпадение “многих” с “правыми”.

Приведу и слова Мизеса: “Сегодня даже многие из тех, кто поддерживает демократические институты, игнорируют эти идеи... Аргументы, которые они выдвигают в пользу свободы и демократии, заражены коллективистскими ошибками; их доктрины являются скорее искажением, нежели поддержкой подлинного либерализма. По их мнению, большинство всегда право просто потому, что способно сокрушить любую оппозицию; власть большинства является диктаторской властью самой многочисленной партии, а правящее большинство не должно само ограничивать себя, осуществляя свою власть и проводя в жизнь свою политику... Такой псевдолиберализм является полной противоположностью либеральной доктрины” [Мизес 2005, с. 144]. С этим трудно не согласиться, и проблема институциональной либерализации – ключевая для теории опекаемых благ, имеющей дело с патерналистскими действиями государства.

Ограничение правящего большинства и защита оппозиционного меньшинства – исходная установка данной теории. Речь идет о создании институциональных условий для индивидуума сохранять свой голос, не “уклоняясь за большинством”¹⁸. К сказанному добавлю, что вне зависимости от механизмов формирования общественного интереса – будь то персональное решение лидера группы или голосование всех ее членов, или компромиссное решение нескольких групп (коалиции), он всегда определяется в форме нормативных установок. При этом нормативные интересы в меру развитости общества и его политической системы впитывают в себя предпочтения, отражающие ценности и этические нормы, иные социальные и экономические установки, присутствующие в программах политических партий и общественных движений, выступающих от имени различных социальных групп.

Иначе говоря, в качестве нормативных интересов, генерируемых политической ветвью, рассматриваются те ценностные суждения, которые Самуэльсон предписывал своему “эксперту по этике”, а представители мериторики и нового патернализма назвали “истинными предпочтениями”, которые в соответствии с традициями классического либерализма существуют в душе каждого человека [Musgrave 1959; Musgrave 1969; Brennan, Lomasky 1983; Tietzel, Muller 1998; Sunstein, Thaler 2003; Sunstein, Thaler 2009]. Но оговорюсь снова, мера адекватности этих интересов обусловлена степенью развитости общества и его политической системы, а главное, слишком часто это сопряжено с рисками принятия субъективных и далеко не всегда позитивных решений [Мельник 2015, с. 16].

Понятно, что государственная активность, в простейшем случае направленная на устранение изъянов рынка, воздействует и на политическую ситуацию. Причем это влияние, как показали Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, может оказаться и деструктивным, способствуя формированию неэффективной экономики [Асемоглу, Робинсон 2013, с. 17–19]. Верно и общее положение о несостоятельности “прекраснодушного” и широко распространенного тезиса о том, что “хорошая экономика и есть хорошая политика” [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. Замечу также, что парламентская партия (коалиция), обладающая необходимым большинством голосов, способна провести через голосование любые решения, отвечающие интересам самой партии¹⁹. И дело не только в том, насколько представлен парламент и как организована его работа.

¹⁸ По мнению Тихоновой, опирающейся на результаты исследования 2012 г. “О чем мечтают жители России” Института социологии РАН, норму “каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения” в настоящее время разделяют свыше трех четвертей представителей любой возрастной, доходной, образовательной, профессиональной или иной социальной группы [Тихонова 2013, с. 38]. К сожалению, в реальности российские люди, похоже, согласились на обратную пропорцию.

¹⁹ Данный феномен особенно характерен для стран с невысоким уровнем развития гражданского общества, демократических институтов и политической культуры [Полтерович 2002; Полтерович, Попов 2007; Полтерович, Попов, Тонис 2008; Хиллман 2009].

Важной составляющей является процедура принятия решений и те институты, которые лежат в ее основе [Мельник 2015, с. 18].

С конца XX в. все большую популярность стали приобретать альтернативные концепции. В их ряду исследования Ж.-Ж. Лаффона, который подчеркивает, что, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на общественный интерес как на решающий при выборе пути развития, “интервенция” теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» [Лаффон 2007, с. 23]. Анализируя эту тенденцию, он рассматривает “аутентичного советника” правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации [Лаффон 2007, с. 22].

В посткоммунистической России и особенно в 2000-е гг. этот процесс проявился особенно зримо: “...между обществом и элитами сохранялся значительный конфликт интересов, следствием которого и стал наблюдаемый в настоящее время дефицит институтов – общественных благ, обслуживающих все общество, а не только его привилегированную часть” [Полищук 2013, с. 41].

Вместе с тем было бы ошибочным думать о наличии единственно возможного выбора. Он всегда лежит в поле нормативных решений, где главную роль играют социальные и экономические установки, целевые ориентиры парламентского большинства. Так или иначе, но социум всегда сталкивается с политическим произволом в определении нормативных интересов, искажающим реальные потребности и текущие приоритеты общества.

И если в теории общественных товаров и мериторных благ, как и в концепции либертарианского или асимметричного патернализма, проблема формирования установок “патера” умалчивается или по умолчанию предполагается их исходная направленность на увеличение благосостояния общества, то в теории опекаемых благ данный вопрос играет первостепенную роль и подвергается анализу сквозь призму коллективных решений парламента. При этом сам парламент рассматривается как совокупность “аутентичных советников” различных политических партий, представляющих интересы соответствующих групп избирателей.

Такой подход дает основание применить теорему Эрроу “о невозможности” к совокупности “аутентичных советников” и сделать вывод о принципиальной невозможности согласовать предпочтения парламентских партий, кроме случая с диктатором, когда все голосуют так же, как он. При этом реальная политическая практика демократических государств демонстрирует важную закономерность: *всякий парламент эволюционирует в сторону появления “коллективного диктатора” в виде партии власти или партийной коалиции*, обладающей необходимым большинством голосов для принятия коллективных решений. В этом случае голоса оппозиционных партий фактически не влияют на коллективные решения и потому с некоторой долей условности могут рассматриваться как разделяющие позицию “диктатора”.

Следствие такой трактовки – вывод о *неадекватности парламентского голосования*, результаты которого (простое, а в некоторых случаях и квалифицированное большинство) могут порождать решения, нерелевантные реальным потребностям и приоритетам общества, игнорирующие предпочтения небольших партий, а вместе с ними интересы многих миллионов их избирателей. Относится это к любым процедурам “коллективных решений”, о которых писал Будон и от которых предостерегал Мизес, вызывающих общее недоверие к патернализму и государственной активности у большинства экономистов и политологов. И нет сомнений в том, что доктрина благоговорящего государства действительно должна быть отвергнута. Другой вопрос, что с этим делать и как должны развиваться теория и практика?

Есть две возможности. Во-первых, можно искать иллюзорные пути освобождения от вмешательства государства. На теоретическом уровне это связано со старыми и новыми концепциями анархизма, а также с построением моделей, в которых индивидуумы и рыночная координация их действий обеспечивают рост благосостояния каж-

дого в отдельности и общества в целом. Но тогда приходится вводить в эти модели ряд исходных условий, абстрагируясь от их реальности или не заботясь об этом. Понятно, что в рамках подобных моделей ущерба от вмешательства государства не может быть по определению. Этот подход хорошо согласуется с политическим индивидуализмом или радикальным либерализмом, но по естественным причинам отвергается доктриной социального либерализма.

Приближенный к реальной действительности социальный либерализм допускает вторую возможность. В ее основе лежит признание неизбежности государственной активности и патернализма, несущих в себе как позитивные, так и негативные последствия нормативных установок “патера” практически при любой системе их формирования. При этом акцент на последствиях государственного вмешательства имеет смысл лишь в том случае, если их анализ направлен на поиск механизмов, обеспечивающих устранение или уменьшение негативных эффектов. Бессмысленно просто ругать дождь, надо открыть зонтик или искать укрытие.

В обществе подобные функции могут и, наверное, должны выполнять институты, позволяющие “не уклоняться за большинством”, предусматривающие участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации нормативных интересов, хотя бы частично нейтрализующих “произвол” власти и приближающих общественный выбор к реальным общественным потребностям. В теории опекаемых благ это положение либеральной демократии сформулировано как общий принцип политической конкуренции в принятии коллективных решений, не допускающий “тирании большинства”.

Возможно, прав Полтерович, и здесь имеет смысл говорить не о конкуренции, а о сотрудничестве [Полтерович 2015]. По сути, институциональное обеспечение конкуренции парламентских партий, представляющих различные социальные группы общества с несовпадающими интересами, можно рассматривать как сотрудничество. Говоря о возрастающей роли институтов гражданского общества, эту же позицию разделяет Якобсон [Якобсон 2016, с. 99].

Институты консоциативной демократии²⁰

Протицирую молодых российских политологов М. Симона и Е. Фурман: “Традиционные теории либеральной демократии базируются на том, что люди, которых затрагивают те или иные политические решения, должны иметь возможность участвовать в процессе их принятия...” [Симон, Фурман 2015, с. 2]. Это важное замечание указывает на известное противоречие между либеральной доктриной и представительной демократией, ибо в принятии коллективных решений участвуют лишь “выборные люди”, обладающие “имущественными и властными ресурсами” [Якобсон 2016, с. 5], независимо от того, затрагивают или не затрагивают их решения тех, кто не входят в их число.

Учитывая же, что современное общество состоит из многих страт с широким спектром социальных групп и негомогенности депутатского корпуса, представляющего их интересы, трудно предположить достижение консенсуса между “аутентичными советниками” в должной направленности государственной активности. Возможное решение здесь, позволяющее хотя бы ослабить это противоречие, – создание институтов, определяющих правила взаимодействия элит и соответствующих политиков на основе согласованного компромисса, исходящих из их целей и интересов. Этой точки зрения придерживаются многие политологи (см., например, [Ferejohn 2000, p. 79; Симон, Фурман 2015, с. 14]).

²⁰ Консоциализм (лат. *consociatio* – сообщество), институты консоциативной демократии (*consociational democracy*) – “сообщественной демократии”. Иногда под консоциализмом понимают принцип “распределения власти” (*power sharing*).

Вместе с тем такой компромисс довольно сложно достигим. Принципиально в этом контексте замечание Э. Хейвуда: недостижимость сущностного консенсуса не означает, что не может быть процедурного консенсуса – готовности разрешить противоречия путем заключения соглашения в соответствии с определенными конвенциональными нормами [Heywood 2002, p. 10]. Собственно, нахождение процедурного консенсуса – это и есть та задача, которая стоит перед исследователями, работающими в области политических институтов. При этом один из ведущих английских политологов, Б. Крик, отмечал, что конфликт интересов между участниками политического процесса неискореним и единственным возможным решением становится “распределение власти” [Crick 2000, p. 30].

Это важное замечание отражает общий подход, выработанный политологической мыслью второй половины XX в., в соответствии с которым доминантой исследований стали попытки создания институтов, реализующих принципы консоциализма. Особое место здесь принадлежит фундаментальной теории “консоциативной демократии”, разработанной американским политологом голландского происхождения А. Лейпхартом, предложившим систему политических институтов для многосоставных, полиэтнических и субкультурно разделенных обществ [Lijphart 1977; Lijphart 1999, Лейпхарт 1997]²¹.

“Теория консоциализма Арнда Лейпхарта, – пишет российский политолог Ж. Ормонбеков, – является полной и самодостаточной концепцией, в рамках которой рассматривается двойной феномен возникновения вертикального сегментирования общества на отдельные группы населения по определенным общим признакам (религия, язык, раса, этнос, идеология) и институционализация переговорного процесса на уровне элит вышеназванных групп” [Ормонбеков 2007, с. 92]. Несмотря на то, что данная теория была создана в основном для решения вопросов мирного урегулирования конфликтов в мультиэтнических обществах, она безусловно обладает потенциалом расширения за пределы “многосоставных, полиэтнических и субкультурно разделенных обществ” [Halpern 1986; Хджоку 1999; Бондаренко 2008; Симон, Фурман 2015]. Отмечу в связи с этим возможности применения теории “консоциативной демократии” к неомогенной структуре парламента, состоящего из представителей различных политических партий, отражающих интересы соответствующих социальных групп, то есть к процессам формирования установок “политически агрегированного индивидуума”.

Основное внимание здесь надо обратить на институциональные решения, предложенные Лейпхартом и являющиеся, по сути, базой процедурного консенсуса. Речь идет о большой коалиции, включающей лидеров всех значимых партий; принципе пропорциональности политического представительства в назначении чиновников и распределении бюджетных средств; о праве взаимного вето, которое позволяет отвергать решения, наносящие ущерб интересам соответствующих социальных групп; об автономии сегментов, наиболее характерной для стран с федеративным устройством, предусматривающей определенные права субъектов федерации [Lijphart 1977, p. 153; Лейпхарт 1997, с. 60; Ормонбеков 2007, с. 95–99; Симон, Фурман 2015].

В той или иной степени каждый из этих институтов может быть использован при решении проблемы формирования нормативных установок общества. Так, создание большой коалиции с привлечением к управлению представителей партий, проигравших выборы, в большинстве случаев позволяет преодолеть “тиранию большинства”. При этом для опекаемых благ особое значение коалиционные решения приобретают при распределении бюджетных средств, когда собственно и устанавливается их объем и структура. Однако, если какая-то партия получает достаточное число голосов

²¹ В своей классической книге “Democracy in Plural Societies” (1977), в переводе на русский язык – “Демократия в многосоставных обществах” (1997), он ввел в научный оборот понятие общественной или консоциативной демократии. В более поздних работах категорию “консоциативная демократия” Лейпхарт дополняет понятием “консенсусная демократия”, анализ которой он изложил в книге “Patterns of Democracy” (1999) (см. также [Симон, Фурман 2015, с. 20]).

(в России пока это так и происходит), и коалиция не возникает, то проблема защиты интересов меньшинства приобретает особую актуальность.

Исследование социального либерализма без рассмотрения практических проблем хозяйственной жизни, где активным участником является государство, было бы явно неполным. И хотя данная тема не была в центре прошедшей дискуссии, ее обсуждение выявило определенные расхождения во взглядах некоторых авторов²². Как отмечал Шумпетер, в обсуждение практических проблем часто вмешивается идеология, и экономисты идут на поводу у этой “дурной привычки”. Сказанное относится ко всем направлениям государственной активности, и прежде всего к социальной политике – неотъемлемой составляющей социального либерализма.

Так, по мнению отдельных авторов, любые попытки объединения социальных доктрин с идеями либерализма искажают либеральные идеи и создают серьезные проблемы в функционировании современных государств [Яновский, Жаворонков 2013, с. 61; Балацкий 2014, с. 19 сноска 1]. Обосновывая эту позицию, Яновский и Жаворонков пишут: “Главными направлениями стабилизации классического либерального капитализма предполагались забота о лечении и просвещении бедных, а также об обеспечении их в старости. Нетрудно заметить, что бедные здесь выступают в качестве второсортных существ, не способных самостоятельно заботиться о своем здоровье... оценивать благо своих детей... позаботиться о своих престарелых родителях” [Яновский и Жаворонков 2013, с. 62].

Столь избыточно эмоциональная оценка общественной поддержки образования, здравоохранения и социального обеспечения лишь повторяет далеко не оригинальную критику мериторики прошлого столетия. И уж совсем сомнительным выглядит тезис о том, что либертарианство непосредственно выражает “волю Творца видеть Человека свободным” [Яновский, Жаворонков 2013, с. 69]. Остается только согласиться с Якобсоном, который пишет, что “апелляция к сакральному исключает конструктивный диалог с оппонентами” [Якобсон 2016, с. 15].

В целом же, применительно к социальной политике, “довольно типичны полярные построения: *либертарианские*, утверждающие неограниченный суверенитет индивида, и так называемые *государственнические*, тяготеющие к подчинению интересов личности интересам выживания и экспансии общества” [Якобсон 2016, с. 97]. В связи с этим повторю то, что писал раньше, – мне одинаково чужды и рыночный фундаментализм, и коммунистическая идеология, утверждение неограниченного суверенитета индивидуума и подчинение интересов личности интересам общества. В этом смысле социал-либеральный подход дает возможность избежать крайностей и трактовать государственную активность как дополнение к рыночному механизму.

Рассмотрим теперь чисто прикладные аспекты социального либерализма, причем на примере той сферы опекаемых благ, где мало у кого есть возражения против активности государства «ради “позитивных свобод” или “свобод для”» [Берлин 2001, с. 51–52]. Речь идет о гуманитарном секторе экономики – о культуре, науке и образовании, страдающих известной “болезнью Баумоля” и нуждающихся в финансовой поддержке общества²³. Однако именно в этом секторе, где формируется человеческий капитал, чаще, чем в других отраслях экономики, проявляются негативные черты патернализма, связанные с произволом в выборе нормативных установок государства. Российская практика такими примерами изобилует, и институциональная либерали-

²² В подтверждение этого приведу фрагмент из статьи М. Урнова: “Что касается либертарианства, равно как и тоталитарных версий коллективизма, то на сегодняшний день они, конечно, существуют, однако в области политики представляют собой не более, чем периферическое обрамление социально-либерального континуума. Единственная область, в которой либертарианство до сих пор чувствует себя более или менее вольготно, – экономическая теория. По-видимому, это связано с устойчивым нежеланием экономистов-неолибералов выйти за пределы конструкций, хороших во всех отношениях, кроме одного – несоответствия реальности [Урнов 2013, с. 40].

²³ Подробнее об этом см. [Baumol, Bowen 1966; Nordhaus 2008; Рубинштейн 2005; Рубинштейн 2012; Rubinshtein 2012; Rubinshtein 2013].

зация – по-прежнему актуальная задача [Рубинштейн, Сорочкин 2003, с. 240–243; Модернизация... 2010].

При этом государство, пытаясь сократить расходы бюджета, сформировало общую установку на соответствующие преобразования в гуманитарном секторе экономики. К сожалению, принятые решения и связанные с ними реформы, проводившиеся, как правило, неумело, с плохо рассчитанными последствиями, лишь усложнили положение производителей опекаемых благ. Результатом таких трансформаций стали ухудшение образования, развал Российской академии наук и нависший над культурой “дамоклов меч” оптимизации сети ее организаций и сокращения рабочих мест [Рубинштейн, Музычук 2014]. Все это заставляет думать о необходимости институциональных трансформаций, направленных на использование в процессе формирования нормативных установок институтов консоциативного патернализма.

Прежде всего я имею в виду один из ключевых институтов консоциативной демократии, основанный на принципе пропорциональности политического представительства. Кроме участия в органах исполнительной власти представителей различных политических партий, выражающих интересы соответствующих социальных групп, введение данного института может создать очень важные и весьма актуальные механизмы влияния экспертного сообщества на принятие политических и экономических решений. Речь идет об изменении правил формирования уже существующих общественных советов при министерствах и ведомствах.

В соответствии с принципом пропорциональности политического представительства в эти советы должны быть включены политики, принадлежащие к оппозиционным партиям и несистемной оппозиции, а также ведущие эксперты по соответствующим направлениям жизнедеятельности общества. Наделение этих общественных советов реальными правами и освещение в СМИ результатов их функционирования позволит избежать многих ошибок, которые имели место раньше и продолжают появляться при отсутствии гражданского контроля над деятельностью органов исполнительной власти.

Кроме принципа пропорциональности, теория консоциализма предлагает и более жесткие принципы, обеспечивающие перевод “коллективных решений” из сферы голосования в предшествующие голосованию переговоры, связанные с поиском компромисса. Речь идет об институционализации права вето в качестве обеспечения прав парламентского меньшинства на участие в процессе принятия решений и для защиты позиций их избирателей. Для опекаемых благ этот институт также представляется весьма существенным, ибо дает возможность заблокировать решения, ведущие к потере благосостояния как отдельных групп граждан, так и всего общества. При наличии такого института в России, наверное, не был бы принят ряд законов, недружественных по отношению к образованию, науке, культуре и здравоохранению.

Консоциативный принцип пропорциональности предполагает также возможность распределения бюджетных средств с учетом интересов различных партий, включая и тех, кто не входит в коалиционное большинство и находится в оппозиции. Определенным шагом в этом направлении может стать введение процедуры “нулевого чтения”, охватывающей не более 90% государственных расходов, но в которой участвовали бы представители всех парламентских партий. В последующих же чтениях оппозиционным партиям должно быть предоставлено исключительное право дополнять расходы бюджета (оставшиеся 10%), направляя указанные средства на реализацию интересов социальных групп, представленных в программах соответствующих партий [Рубинштейн 2014, с. 39]²⁴. Введение данного института, кроме всего прочего, позволит расширить область переговорного процесса в направлении поиска компромиссов и хотя бы частично перевести ряд коллективных решений на стадию, предшествующую парламентским голосованиям.

²⁴ Замечу, что 10% – это примерная цифра. Ее конкретное значение зависит от доли голосов оппозиционных партий в парламенте. При этом указанные 10% могут распределяться между оппозиционными партиями пропорционально их “весу” в парламенте.

В духе теории “консоциативной демократии” Лейпхарта и в дополнение к базовым институтам “вето” и “нулевого чтения” – основы “процедурного консенсуса” следует использовать и соответствующие процедуры распределения бюджетных средств. Это институт бюджетных нормативов, характеризующих минимальные доли расходов бюджета на поддержку различных видов опекаемых благ, и институт индивидуальных бюджетных назначений, обеспечивающих непосредственное участие граждан в принятии решений, затрагивающих условия их жизнедеятельности.

Говоря о бюджетных нормативах, подчеркну, что в условиях объективной неспособности большинства производителей опекаемых благ в гуманитарном секторе экономики обеспечивать рыночную самокупаемость, бюджетные расходы в этой сфере следует рассматривать в контексте гарантий общественной поддержки в форме государственных обязательств, охватывающих три типа экономических субъектов: работников, участвующих в процессах создания, сохранения, распространения и потребления опекаемых благ; их потребителей – граждан страны, организаций науки, культуры и образования.

Гарантии работникам культуры, науки и образования – обязательства государства перед работниками, участвующими в процессах создания, сохранения и распространения опекаемых благ. Речь идет о гарантированном уровне оплаты труда, который должен устанавливаться на основе указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации и иных законодательных и нормативных актов, в том числе Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 “О мероприятиях по реализации государственной социальной политики”.

Гарантии потребителям продуктов культуры, науки и образования следует зафиксировать на уровне их ценовой доступности в базовом году. При оценке этих обязательств следует использовать средний уровень цен на платные услуги, сложившийся в базовом году, и необходимые для его сохранения по каждому виду культурной, научной и образовательной деятельности с учетом их особенностей. Прежде всего это относится к культуре и образованию, товары и услуги которых, будучи, по преимуществу, мериторными благами, покупают индивидуумы и частично субсидирует государство. Результаты научной деятельности принадлежат к общественным благам, обеспечение производства которых берет на себя государство, компенсируя свои издержки посредством налогов, поступающих в его бюджет. И в данном случае гарантии потребителям трансформируются в обязательства государства, но уже в виде полного бюджетного финансирования научной деятельности.

Гарантии организациям науки, культуры и образования – государственные обязательства поддержки научной, образовательной и культурной деятельности в форме дифференцированных финансовых нормативов, устанавливающих минимальные доли расходов в бюджетах всех уровней, направляемых на поддержку производителей опекаемых благ. При этом обязательства в отношении объема бюджетных субсидий государственным и муниципальным организациям должны быть установлены с учетом гарантий по оплате труда работников и гарантий доступности для населения указанных видов опекаемых благ.

Подчеркну, что для гуманитарного сектора экономики, нуждающегося в “защите” от никогда не исчезающего в России “остаточного принципа” и всегдашней готовности власти принести в жертву его государственную поддержку, институт бюджетных нормативов раскрывает еще один принцип консоциативной демократии, целью которой в числе прочего является поддержание *status quo* и создание стабилизирующих механизмов [Ормонбеков 2007, с. 98]. Введение этого института в практику финансирования гуманитарного сектора экономики означает, по сути, обретение им статуса “защищенных статей бюджета”, что обеспечивает минимально гарантированный уровень субсидирования науки, образования и культуры²⁵.

²⁵ Отмечу, что данный институт уже существовал в культуре в виде одной из норм “Основ законодательства РФ о культуре” (ст. 45), принятых в 1992 г. В последующие годы Минфин приостанавливал действие этой статьи, а в 2005 г. она была изъята из закона.

Бюджет развития этих отраслей следует связать с другим институтом консоциативной демократии – институтом индивидуальных бюджетных назначений (ИБН). Его содержательная доминанта – превращение граждан в субъекты бюджетной политики – определяет их непосредственное участие в выработке нормативных установок “политически агрегированного индивидуума” с соответствующим распределением бюджетных средств [Рубинштейн 2010, с. 164; Рубинштейн 2014, с. 507–508]. Предтечей данного института, отвечающего принципам консоциативной демократии, стала практика ряда европейских стран, использующих механизм “процентной филантропии”, в соответствии с которой, по решению каждого налогоплательщика, от 1 до 2% его подоходного налога направляются на социально-культурные нужды по его выбору [Fazekas 2000; Kuti, Vajda 2000; Кнай, Соборников, Тисленко 2010; Хаунина 2012; Хаунина 2013]²⁶.

Следует особо отметить, что институт индивидуальных бюджетных назначений, частично и “партиципаторное бюджетирование”, позволяют смягчить отмеченное выше хроническое противоречие между либеральной доктриной и представительной демократией. Причем, в отличие от “партиципаторного бюджетирования”, выбор граждан на основе ИБН окончателен и не зависит от решений представительной и исполнительной власти. Процедурно ИБН предусматривает возможность управления небольшой частью бюджетных ресурсов, реализуя тем самым право граждан самостоятельно решать, какие виды опекаемых благ имеют для них наибольшее значение.

Введение этого института может создать регулярный источник поддержки культурной, научной и образовательной деятельности. При этом его эффективность и масштабы финансовой поддержки гуманитарного сектора экономики значительно вырастут, если будет использована стратегия “тратить, не растрчивая, накапливать”. Реализация данной стратегии, основанная на комбинации ИБН и эндаумент-фондов, станет одновременно и существенным шагом на пути создания бюджета развития гуманитарного сектора экономики и снижения его зависимости от сиюминутных решений власти.

В качестве послесловия

Состоявшаяся журнальная дискуссия, в которой приняли участие многие экономисты, социологи и политологи, представляющие различные научные школы и мировоззрения, дает основание для общего вывода о том, что социальный либерализм следует воспринимать как неотъемлемую составляющую экономической реальности. И, хотя отдельные авторы по-прежнему настаивают на том, что “социал-либерализм – результат капитуляции значительной части либералов перед социализмом” [Яновский, Жаворонков 2013, с. 69] и готовы обсуждать патернализм только в негативной коннотации “отцовской заботы патера”, все же современный тренд теоретических и прикладных исследований связан с новыми формами активности государства, определяющими его экономическую политику. В данном контексте мериторику Масгрейва продолжили либертарианский [Sunstein, Thaler 2003] и асимметричный патернализм [Camerer, Issacharoff, Loewenstein, O’Donoghue, Rabin 2003].

Одновременно теоретический анализ определил и новую повестку дня, связанную с необходимостью коррекции институционального обеспечения социального либерализма в пользу гражданского общества и перераспределения властных полномочий. Речь идет об институтах сотрудничества [Полтерович 2015], развитии гражданской самоорганизации и институционализации общественных групп [Якобсон 2016], об институтах “рассредоточения власти” [Lijphart 1999]. В теории опекаемых благ это направление нашло отражение в концепции консоциативного патернализма и существенным образом дополнило эту теорию [Рубинштейн 2015].

²⁶ В качестве своеобразных “родственников” следует назвать также “церковный налог” [Хаунина 2014, с. 200–205] и практику “партиципаторного бюджетирования” [Kebrowski 2013]. При этом процедура “партиципаторного бюджетирования” в основном применяется на местном уровне и предполагает выяснение мнения населения о целесообразных расходах соответствующего бюджета, в утверждении которого принимают участие только “выборные люди”.

Отмечу, что прошедшая дискуссия выявила мощный исследовательский потенциал, который не мог вместиться в статьях, опубликованных в журнале. Уверен, это “не конец истории”, работы на данную тему будут и дальше появляться в различных изданиях. Продолжением дискуссии, в частности, стала статья В. Автономова “На какие свойства человека может опереться экономический либерализм” в “Вопросах экономики”. Представленное в ней сравнительное исследование мировоззрения теоретиков либерализма (Ф. Бастиа, Л. Мизес, Ф. Хайек, В. Ойкен и М. Фридмен) позволило сделать вывод о наличии двух свойств человека – ценности свободы и разумного стремления к материальной выгоде, обуславливающих возможность проведения либеральной экономической политики. При этом, по мнению автора этой статьи, “либерализм, опирающийся только на материальную выгоду, неизбежно становится патерналистским” [Автомонов 2015, с. 22].

Данный вывод имеет более общий характер. Рассчитывать на “идеальный тип” человека с абсолютным чувством свободы, не конфликтующим с “материальной выгодой”, – значит уходить от реальности. И в этом смысле всякий либерализм имеет патерналистскую составляющую. Наверное, справедливо и противоположное замечание о том, что и в обществе с рабским сознанием, пусть в небольшой степени, но присутствует естественная склонность человека к свободе. Как и все крайности – это лишь удобные метафоры. Наверное, более точно говорить о пространственных и временных распределениях “ценности свободы”. При этом данное свойство оказывается полезным для анализа. В частности, ученые, занимающиеся исследованием реформ, должны, по-видимому, учитывать данный параметр. Рискну предположить даже, что многие “институциональные ловушки” можно объяснить отставанием склонности к свободе от трансплантируемых институтов.

Мне кажется также, что “ценность свободы” дает основание по-другому взглянуть и на разновидности патернализма, упорядочив их именно по указанному параметру. Не буду рассматривать крайнюю позицию – *архаичный патернализм*, но можно утверждать, что *мериторный патернализм* [Musgrave 1969] ориентирован на общество с большей склонностью к свободе. Используемый в рамках данной концепции инструментарий – субсидии, налоговые льготы производителям и трансферты потребителям – предоставляет людям определенную свободу выбора. В этом смысле *либертарианский патернализм* расширяет возможности потребительского выбора еще в большей мере. Как оптимистично утверждают его авторы, присущая ему политика подталкивания (“*nudge*”) и соответствующий инструментарий “устраняют противоречие между патернализмом и свободой выбора” [Sunstein, Thaler 2003, p. 1188].

Следующий шаг в направлении обеспечения больших свобод индивидуумам сделан еще одной группой представителей “нового патернализма”. Они обратили внимание еще на то, что патерналистские действия государства не должны затрагивать тех, кто ведет себя рационально: “*асимметричный патернализм* помогает тем, чья рациональность ограничена и очень мало вредит более рациональным людям” [Camerer, Issacharoff, Loewenstein, O’Donoghue, Rabin 2003, p. 1254].

Есть еще одна разновидность патернализма – *консоциативный патернализм* [Рубинштейн 2015]. Его отличие от мериторного и нового патернализма обусловлено дополнительным “подключением” институтов консоциализма [Lijphart 1977; Lijphart 1999; Лейнхарт 1997], обеспечивающих реализацию одного из фундаментальных принципов либеральной демократии. Речь идет о том, что “люди, которых затрагивают те или иные политические решения, должны иметь возможность участвовать в процессе их принятия” [Симон, Фурман 2015, с. 2]. Иначе говоря, дополняя свободу потребительского выбора, институты *консоциативного патернализма* обеспечивают либерализацию самой процедуры формирования нормативных установок, увеличивая тем самым свободы людей на более высоком уровне. На основе этих рассуждений и используя для упорядочения разновидностей патернализма параметр “ценность свободы”, можно построить сводную таблицу.

Либеральная эволюция патернализма*

	Архаичный патернализм [Pique de Bru 1980]	Мериторный патернализм [Misgrave 1959]	Новый патернализм [Капелюшников 2013]		Консоциативный патернализм [Рубинштейн 2015]
			Либертарианский патернализм [Sunstein, Thaler 2003]	Асимметричный патернализм [Camerer, Issacharoff, Loewenstein 2003]	
	S_1	$S_1 < S_2$	$S_2 < S_3^1$	$S_3^1 < S_3^2$	$S_3^2 < S_4$
”Отцовская забота” государства о гражданах					
Концепция множественности ”Я”					
Формирование установок ”Патера” – ”Правящее Большинство”					
Институты ”Субсидии и налоги”					
Институты ”Nudge”					
Концепция автономных предпочтений ”ПАТЕРА” (нормативный стандарт)					
Формирование установок ”Патера” – институты консоциативной демократии					

* S – ”Ценность свободы” [Автономов 2015].

Если предложенную классификацию различных видов патернализма, построенную на основе их упорядочения по критерию “ценности свободы”, наложить еще на ось времени, то можно заметить, что появление различных версий патернализма оказывается упорядоченным и во времени. Данный результат позволяет сформулировать важное теоретическое утверждение, относящееся в целом к социальному либерализму: патернализм как часть экономической реальности, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую явно выраженную либеральную направленность.

Подчеркну, речь идет исключительно о некоем тренде в развитии теории. При этом реальная экономическая политика далеко не всегда опирается на соответствующие институциональные возможности. Чтобы выявленную тенденцию сопоставить с экономической политикой той или иной страны, достаточно использовать ту же самую шкалу “ценности свободы”. И вновь процитирую Автономова: «...возможности либеральной политики различаются в зависимости от того, обладает ли “целевое” население сформировавшейся и привычной ценностью свободы» [Автономов 2015, с. 22].

Если говорить о населении нашей страны, то повторю слова Тихоновой – «...в его сознании сегодня парадоксальным образом уживаются как некоторые типичные для либерализма ценности, так и набор норм и ценностей, характерных для “неоэтакратических” обществ» [Тихонова 2013, с. 38]. Практика последних 20 лет свидетельствует: российские люди с готовностью согласились на тотальное господство государства практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Вывод напрашивается сам собой – российская экономическая политика, если бы и была последовательно либеральной, то особых шансов на успех не имела бы. Судя по всему, население нашей страны еще не обладает достаточно развитой и устойчивой склонностью к свободе, хотя она просматривается у 15–20% населения [Аврамова 2015, с. 111]. Это, конечно, гипотеза, но она позволяет объяснить, почему экономическая политика в современной России по-прежнему находится где-то между архаичным и мериторным патернализмом [Аврамова 2015].

Следует обратить внимание еще на одну российскую особенность, на парадоксальную связь идей либерализма и методов патернализма, которая уже более 20 лет проявляется в экономической политике, часто со всеми негативными ее элементами, характерными для архаичного патернализма, когда даже либеральные идеи, не проходящие сито консоциативного отбора, перерождаются в свою противоположность. Достаточно вспомнить ваучерную приватизацию или валютное регулирование.

В качестве позитивных ожиданий, в которые хочется верить, вновь процитирую Тихонову: “Оценивая перспективы эволюции массового сознания в сторону либеральных ценностей, нельзя не учитывать и то, что, как показывают результаты работы всех основных занимающихся анализом динамики норм и ценностей исследовательских групп, в России... наблюдается общий дрейф от нормативно-ценностных систем населения, характерных для культур коллективистского типа, к индивидуалистически ориентированным культурам” [Тихонова 2013, с. 39]. Возможно, этот дрейф не в слишком далеком будущем создаст условия для институциональных изменений в процессах формирования нормативных интересов общества и станет реальным драйвером перехода от архаичного к консоциативному патернализму, который, как мне кажется, является ядром социального либерализма в XXI столетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврамова Е.М. (2015) Есть ли в современном российском обществе запрос на социальный либерализм? // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 101–113.

Автономов В.С. (2014) Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 53–56

Автономов В.С. (2015) На какие свойства человека может опереться экономический либерализм // *Вопросы экономики*. № 8. С. 5–24.

Аристотель (1983) *Политика* // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль. С. 376–644.

- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2013) Политика или экономика? Ловушки стандартных решений // Вопросы экономики. № 12. С. 4–28.
- Балацкий Е.В. (2014) Институциональные особенности либертарианской модели экономики // Общественные науки и современность. № 4. С. 18–32.
- Бастиа Ф. (2007) Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо.
- Берлин И. (2001) Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение.
- Бондаренко Т.Ю. (2008) Принципы консоциативной демократии в государственном строительстве за пределами Европы // Политическая наука. № 4. С. 213–223.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2013) Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (1998) Проблемы общей теории социальной экономики // Экономическая наука современной России. № 2. С. 34–56.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2000) Экономическая социодинамика. М.: ИСЭПресс.
- Доли Дж. (2012) Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. № 12. С. 31–60.
- Дюркгейм Э. (1995) Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон.
- Заостровцев А.П. (2015) Социальный либерализм: анализ с позиций австрийской школы // Общественные науки и современность. № 1. С. 64–74.
- Канеман Д., Тверски А. (2003) Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. № 4. С. 31–42.
- Капелюшников Р.И. (2013) Поведенческая экономика и “новый” патернализм // Вопросы экономики. № 9. С. 66–90; № 10. С. 28–46.
- Кирдина С.Г. (2013^a) К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН.
- Кирдина С.Г. (2014) Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии // Общественные науки и современность. № 5. С. 60–75.
- Кирдина С.Г. (2013^b) Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. № 10. С. 66–89.
- Кирдина С.Г. (2015) Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социс. № 12. С. 51–59.
- Кнац Ю., Соборников И., Тисленко Д. (2010) “Процентная филантропия”: о возможности введения в России налога на содержание некоммерческих организации (http://tmbv.info/index.php?option=com_content&view=article&id=7323:1-r-&catid=331:2010-08-03-08-28-12&Itemid=400).
- Ковельман А.Б. (1996) Толпа и мудрецы талмуда. Москва–Иерусалим: Еврейский университет в Москве.
- Курбатова М.В., Левин С.Н. (2013) Методологические альтернативы “экономического мейнстрима”: сравнительная характеристика // Общественные науки и современность. № 5. С. 76–89.
- Лаффон Ж.-Ж. (2007) Стимулы и политэкономика. М.: ГУ ВШЭ.
- Лейпхарт А. (1997) Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект пресс.
- Лефевр С. (2008) Социальная роль предприятий в России: объяснительные возможности термина “патернализм” // Мир России. № 3. С. 149–170.
- Лещак О.В. (2002) Очерки по функциональному прагматизму. Методология–онтология–эпистемология. Тернополь–Кельце: Підручники & посібники.
- Либман А.М. (2013) Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // Общественные науки и современность. № 1. С. 27–38.
- Майерсон Р. (2010) Равновесие по Нэшу и история экономической науки // Вопросы экономики. № 6. С. 26–43.
- Мельник Д.В. (2015) Концепция социального либерализма на “рынке идей” современной России // Общественные науки и современность. № 2. С. 43–53.
- Мизес Л. фон (2005) Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.
- Модернизация и экономическая безопасность России. (2010) / Под редакцией Н. Петракова. М.: Российская академия наук, Отделение общественных наук, Секция экономики.
- Нджоку Р. (1999) Что такое консоциализм? // Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. С. 300–312 (http://poli.vub.ac.be/publi/orderbooks/federal_r/12njoku.pdf).
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

- Ормонбеков Ж. (2007) Теория консоциализма Аренда Лейпхарта // Казанский федералист. № 1–2. С. 98–108.
- Павлов И.А. (2007) Поведенческая экономическая теория – позитивный подход к исследованиям человеческого поведения. М.: Институт экономики РАН.
- Павлов И.А. (2011) Феномен “уклонения от двусмысленности” в теории рационального выбора. М.: Институт экономики РАН.
- Платон (1971) Государство // Платон. Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль.
- Полищук Л.И. (2013) Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. № 9. С. 40–65.
- Полтерович В.М. (2015) От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. № 4. С. 41–64.
- Полтерович В.М. (2011) Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. № 2. С. 101–111.
- Полтерович В.М. (2002) Политическая культура и трансформационный спад // Экономика и математические методы. № 4. С. 95–103.
- Полтерович В.М., Попов В.В. (2007) Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. № 2. С. 13–27.
- Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. (2008) Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. № 2. С. 176–200.
- Радыгин А., Энтон Р. (2012) “Провалы государства”: теория и политика // Вопросы экономики. № 12. С. 4–30.
- Рубинштейн А. (2011) К теории опекаемых благ. Неэффективные и эффективные равновесия // Вопросы экономики. № 3. С. 65–87.
- Рубинштейн А.Я. (2008) К теории рынков “опекаемых благ”. М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А.Я. (2009^а) К теории рынков “опекаемых благ”. Статья I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. № 1. С. 139–152.
- Рубинштейн А.Я. (2009^б) Мериторика и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Магстейвом // Вопросы экономики. № 11. С. 98–109.
- Рубинштейн А.Я. (2014) Методологический анализ теории опекаемых благ // Urbi et Orbi: в 3 т. Т. 1. Теоретическая экономика. СПб.: Алетейя. С. 461–522.
- Рубинштейн А.Я. (2005) Наука, культура и образование: препятствие или условие экономического роста? // Российский экономический журнал. № 4. С. 32–40.
- Рубинштейн А.Я. (2013) Опекаемые блага в оптике сравнительной методологии. М.: Институт экономики РАН.
- Рубинштейн А.Я. (2012) Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. № 6. С. 13–34.
- Рубинштейн А.Я. (2015) Экономический кризис и новая парадигма общественной поддержки опекаемых благ // Журнал новой экономической ассоциации. № 2. С. 264–269.
- Рубинштейн А.Я. (2010) Экономический кризис и социальная политика. Вместо заключения // Журнал Новой экономической ассоциации. № 6. С. 163–164.
- Рубинштейн А.Я., Муzychук В.Ю. (2014) Оптимизация или деградация? Между прошлым и будущим российской культуры // Общественные науки и современность. № 6. С. 5–22.
- Рубинштейн А.Я., Сорочкин Б.Ю. (2003) Анализ механизмов государственного финансирования сферы культуры. Финансовые аспекты реформирования отраслей социальной сферы. М.: Институт экономики переходного периода. Сер. № 60Р “Научные труды”.
- Саймон Г. (1993) Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. Вып. 3. С. 16–38.
- Самуэль Г. (2010) Либерализм. Опыт изложения принципов и программы современного либерализма. М.: URSS.
- Симон М.Е., Фурман Е.Д. (2015) Проблема выработки политического компромисса: институциональное измерение. М.: ИЭ РАН.
- Тамбовцев В.Л. (2013) Методологический анализ и развитие экономической науки // Общественные науки и современность. № 4. С. 42–53.
- Тамбовцев В.Л. (2014) Общественные блага и общественные интересы: есть ли связь? // Вопросы экономики. № 11. С. 25–40.
- Тамбовцев В.Л. (2008) Перспективы “экономического империализма” // Общественные науки и современность. № 5. С. 129–136.
- Темницкий А.Л. (2015) Патерналистские основы российской цивилизации в сфере труда // Социологическая наука и социальная практика. № 2. С. 51–69.
- Тихонова Н.Е. (2013) Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // Общественные науки и современность. № 2. С. 32–44.

- Урнов М.Ю. (2013) Социальный либерализм в России (взгляд политолога) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 30–43.
- Урнов М.Ю. (2014) *Россия: виртуальные и реальные политические перспективы*. М.: НИУ ВШЭ.
- Хаунина Е.А. (2014) От церковного налога к институту индивидуальных бюджетных назначений // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 200–205.
- Хаунина Т.А. (2012) “Процентная филантропия” – дополнительный финансовый ресурс для организаций социально-культурной сферы // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2. С. 141–143.
- Хаунина Т.А. (2013) “Процентная филантропия” – проблемы трансплантации успешного института финансовой поддержки культурной деятельности // *Культура и рынок. Опекаемые блага*. СПб.: Алетейя. С. 127–132.
- Хиллман А.Л. (2009) *Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления*. М.: ГУ ВШЭ.
- Шлюхтер В. (2004) Действие, порядок и культура: основные черты веберианской исследовательской программы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. № 2. С. 22–50.
- Шумпетер Й. (2001) *История экономического анализа*. В 3-х т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
- Якобсон Л.И. (2016) Социальная политика ювенального общества // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 90–102.
- Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2013) Плоды социального либерализма и некоторые причины устойчивого выбора неэффективных стратегий // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 61–74.
- Agassi J. (1960) *Methodological individualism* // *The British Journal of Sociology*. No. 3. Pp. 244–70.
- Baumol W.J., Bowen W.G. (1966) *Performing Arts: the Economic Dilemma*. New York: The Twentieth Century Fund.
- Boudon R. (1979) *La logique du sociale: introduction a l’analyse sociologique*. Paris: Hachette.
- Brennan G., Lomasky L. (1983) *Institutional Aspects of “Merit Goods” Analysis* // *Finanzarchiv*. Vol. 41. Pp. 183–206.
- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O’Donoghue T., Rabin M. (2003) “Regulation for conservatives. Behavioral economics and the case for ‘asymmetric paternalism’” // *Univ. of Pennsylvania Law Review*. Vol. 151. Pp. 1211–1254.
- Coleman J.S. (1991) *Grundlagen der Sozialtheorie*. München: Oldenbourg.
- Crick B. (2000) *In Defense of Politics*. Harmondsworth and New York: Penguin.
- D’Amico D. (2009) *Merit Goods, Paternalism and Responsibility*. Pavia. Universita.
- Debouzy M. (1988) *In the shadow of the Statue of Liberty: Immigrants, workers and citizens in the American Republic (1880–1920)*. Paris: Univ. de Vincennes.
- Fazekas E. (2000) The 1% Law in Hungary: Private Donation from Public Funds to the Civil Sphere // *The Journal of East European Law*. Vol. 7. No. 3–4, Columbia Univ. e.g. on p. 447.
- Ferejohn J. (2000) *Instituting Deliberative Democracy. Designing Democratic Institutions*, ed. by Ian Shapiro and Stephen Macedo. New York Univ. Press.
- Halpern Sue M. (1986) *The Disorderly Universe of Consociational Democracy* // *Western European Politics*. Vol. 9. No. 2. Pp. 181–182.
- Head J.G. (1988) *On Merit Wants* // *Finanzarchiv*. Vol. 46. Pp. 392–410.
- Heywood A. (2002) *Politics*. London: Palgrave Macmillan.
- Hodgson G. (2007) *Meanings of Methodological Individualism* // *Journal of Economic Methodology*. No. 2. Pp. 211–226.
- Kahneman D., Tversky A. (eds.). (2000) *Choices, values and frames*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Katona G. (1951) *Psychological Analysis of Economic Behavior*. New York: McGraw-Hill.
- Kebłowski W. (2013) *Budżet Partycypacyjny: krótka instrukcja obsługi*. Warszawa: Instytut Obywatelski.
- Kuti E., Vajda A. (2000) *Citizen’s Votes for non-Profit Activities in Hungary*. Nonprofit Information and Training Center – non-Profit Research Group.
- Lijphart A. (1977) *Democracy in Plural Societies: a Comparative Exploration*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Lijphart A. (1999) *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-six Countries*. New Haven: Yale Univ. Press.

Müller Ch., Tietzel M. (2002) Merit goods from a constitutional perspective // Method and morals in constitutional economics. Essays in honor of James M. Buchanan. Berlin & New York: Springer. Pp. 375–400.

Musgrave R.A. (1959) The Theory of Public Finance. New York–London.

Musgrave R.A. (1969) Provision for Social Goods // Public Economics. London–Basingstoke: MacMillan. Pp. 124–144.

Musgrave R.A., Musgrave P.B., Kullmer L. (1994) Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis. Band 1, 6. Tübingen: Auflage.

Noiriel G. (1988) Du patronage au paternalisme: la restructuration des formes de domination de la main-d'oeuvre ouvrière dans l'industrie métallurgique française // Le Mouvement social. Paternalismes d'hier et d'aujourd'hui, No. 144.

Perrot M. (1979) Le regard de l'Autre: les patrons français par les ouvriers (1880–1914) // Le patronat de la seconde industrialisation, études rassemblées par M. Levy-Leboyer. Paris: Éditions Ouvrières.

Pique de Bry F. (1980) Le paternalisme dans l'opinion des industriels français du XIX^{em} siècle. These d'Etat en Sciences Economiques. Paris: Univ. de Paris I.

Rubinshteyn A. (2012) Studying “Sponsored Goods” in Cultural Sector. Symptoms and Consequences of Baumol's Cost Disease. Creative and Knowledge Society // International Scientific Journal. No. 2. Pp. 35–57.

Rubinshteyn A. (2013) Studying “Sponsored Goods” in Cultural Sector. Econometric model of Baumol's disease. Creative and Knowledge Society // International Scientific Journal. No. 3. Pp. 36–58.

Samuelson P.A. (1954) The pure theory of public expenditure // Review of Economics and Statistics. Vol. 36. No. 4. Pp. 387–399.

Schmidt K. (1988) Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern // Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften. Vol. 108. Jahrgang. Heft 3. S. 383–403.

Schneider W., Shiffrin R.M. (1977). Controlled and Automatic Human Information Processing I. Detection, Search, and Attention Processing II. Perceptual Learning, Automatic Attending and a General Theory // Psychological Review. Vol. 84. No. 1. Pp. 1–66; No. 2. P. 127–190.

Shefrin H.M., Thaler R. (1978) An Economic Theory of Self. Center for Economic Analysis of Human Behavior and Social Institutions. Working Paper No. 208.

Simon H.A. (1957) A Behavioral Model of Rational Choice, in Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting. New York: Wiley.

Simon H.A. (1955) A Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics. Vol. 69. No. 1. Pp. 99–118.

Stigler G. (1971) The Theory of Economic Regulation // Bell Journal of Economics. Vol. 2. P. 3–21.

Sunstein C., Thaler R. (2003) Libertarian paternalism is not an oxymoron // Univ. of Chicago Law Review. Vol. 70. Pp. 1159–1202.

Sunstein C., Thaler R. (2009) Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. New Haven: Yale Univ. Press.

Thaler R.H. (2000) From Homo Economicus to Homo sapiens // Journal of Economic Perspectives. Vol. 14. No. 1. Pp. 133–141.

Thaler R.H., Shefrin H.M. (1981) On Economic Theory of Self-control // Journal of Political Economy. No. 2. Pp. 392–406.

Tietzel M., Muller C. (1998) Noch mehr zur Meritorik // Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften. Berlin: Duncker & Humblot.

Toboso F. (2001) On Institutional Individualism and Institutional Change: the Search for a Middle Way Mode of Explanation // Cambridge Journal of Economics. Vol. 25. No. 6. Pp. 765–783.

Udehn L. (2002) The Changing Face of Methodological Individualism // Annual Review of Sociology. Vol. 28. Pp. 479–507.

Weber M. (1968) Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen: Auflage.

Social Liberalism and Consociational Paternalism

A. RUBENSTEIN*

***Rubenstein Alexander** – doctor of sciences (Philosophy), professor, head of the research area “Theoretical economics”, the Institute of Economics of the RAS. Address: 32, Nakhimovsky av., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: arubin@inecon.ru.

Abstract

The author analyzes the publications under the category of “Social Liberalism” and presents the vision of the summary of four years of discussions, organized by “Social Sciences and Modernity” and neo-classical principles of rational behavior and of methodological individualism of the sponsored goods theory. He also studies political science aspects of regulatory interests of society formation, and other aspects of the consociational political and economic decisions taking institutions. The analysis revealed that the evolution of paternalism is moving towards its institutional liberalization. The author presents the hypothesis which explains the reason why modern Russian economic policy still looks like something between archaic and merit paternalism.

Keywords: sponsored goods, rational behavior, individualism, relativism, meritocracy, paternalism, consociationalism, institutions.

REFERENCES

- Agassi J. (1960) Methodological individualism. *The British Journal of Sociology*, no. 3, pp. 244–70.
- Aristotel (1983) *Politika* [Politics] Aristotel. Sochineniya [Works] In 4 v. Vol. 4. Moscow: Myisl', pp. 376–644.
- Asemoglu D., Robinson J. (2013) *Politika ili ekonomika? Lovushki standartnykh resheniy* [Politics or Economics? Standard Solutions Traps]. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 4–28.
- Avraamova E.M. (2015) Est li v sovremennom rossiyskom obschestve zapros na sotsialnyy liberalizm? [Does the modern Russian society have a request for social liberalism?] // *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 101–113.
- Avtonomov V.S. (2014) Esche neskolko slov o metodologicheskom individualizme [A few more words about the methodological individualism]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 53–56.
- Avtonomov V.S. (2015) Na kakie svoystva cheloveka mozhet operetsya ekonomicheskyy liberalizm [What human qualities can economic liberalism lean on]. *Voprosy ekonomiki*, no. 8, pp. 5–24.
- Balatskiy E.V. (2014) Institutionalnyye osobennosti libertarianskoy modeli ekonomiki [Institutional features of the libertarian model of economy] *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 18–32.
- Bastia F. (2007) *Ekonomicheskie garmonii. Izbrannoe* [Economic harmony. Favorites]. Moscow: Eksmo.
- Baumol W.J., Bowen W.G. (1966) *Performing Arts: the Economic Dilemma*. New York: the Twentieth Century Fund.
- Berlin I. (2001) *Filosofiya svobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
- Bondarenko T.Yu. (2008) Printsipy konsotsiativnoy demokratii v gosudarstvennom stroitelstve za predelami Evropy [The principles of consociational democracy in the nation-building outside Europe] *Politicheskaya nauka*, no.4, pp. 213–223.
- Boudon R. (1979) *La logique du sociale: introduction a l'analyse sociologique*. Paris: Hachett.
- Brennan G., Loomasky L. (1983) Institutional Aspects of “Merit Goods” Analysis. *Finanzarchiv*, vol. 41, pp. 183–206.

- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. (2003) Regulation for conservatives. Behavioral economics and the case for 'asymmetric paternalism'. *Univ. of Pennsylvania Law Review*, vol. 151, pp. 1211–1254.
- Coleman J.S. (1991) *Grundlagen der Sozialtheorie*. München: Oldenbourg.
- Crick B. (2000) *In Defense of Politics*. Harmondsworth and New York: Penguin.
- D'Amico D. (2009) *Merit Goods, Paternalism and Responsibility*. Pavia. Universita.
- Debouzy M. (1988) *In the shadow of the Statue of Liberty: Immigrants, workers and citizens in the American Republic (1880–1920)*. Paris: Univ. de Vincennes.
- Dosi G. (2012) Ekonomicheskaya koordinatsiya i dinamika: nekotorye osobennosti alternativnoy evolyutsionnoy paradigmy [Economic coordination dynamics: some features of an alternative evolutionary paradigm]. *Voprosy ekonomiki*, no.12, pp. 31–60.
- Dyurkgeym E. (1995) *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its object, method, purpose]. Moscow: Kanon.
- Fazekas E. (2000) The 1% Law in Hungary: Private Donation from Public Funds to the Civil Sphere. *The Journal of East European Law*, vol. 7, no. 3–4, Columbia Univ., e.g. on p. 447.
- Ferejohn J. (2000) *Instituting Deliberative Democracy. Designing Democratic Institutions*. New York: New York Univ. Press.
- Grinberg R.S., Rubinshteyn A.Ya. (2000) *Ekonomicheskaya sotsiodinamika* [Economic Sociodynamics] Moscow: ISEPress.
- Grinberg R.S., Rubinshteyn A.Ya. (2013) *Individuum & gosudarstvo: ekonomicheskaya dilemma* [Individual & state: economic dilemma] Moscow: Ves' mir.
- Grinberg R.S., Rubinshteyn A.Ya. (1998) Problemy obschey teorii sotsialnoy ekonomii [Problems of the general theory of social economy]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, no. 2, pp. 34–56.
- Halpern, Sue M. (1986) The Disorderly Universe of Consociational Democracy. *Western European Politics*, vol. 9, no. 2, pp. 181–182.
- Haunina E.A. (2014) Ot tserkovnogo naloga k institutu individualnykh byudzhethnykh naznacheniy [From the church tax to the institution of the individual budget-values]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no. 4, pp. 200–205.
- Haunina T.A. (2012) “Protsentnaya filantropiya” – dopolnitelnyy finansovyy resurs dlya organizatsiy sotsialno–kulturnoy sfery [“Percentage philanthropy” – additional financial resources for the organization of social and cultural sphere of the new economy]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no. 2, pp. 141–143.
- Haunina T.A. (2013) “Protsentnaya filantropiya” – problemy transplantatsii uspehnogo instituta finansovoy podderzhki kulturnoy deyatel'nosti [“Percentage philanthropy” – the problem of transplantation of the successful Institute of financial support for cultural activities]. *Kultura i ryinok. Opekaemye blaga* [Culture and the market. Patronize good]. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 127–132.
- Head J.G. (1988) On Merit Wants. *Finanzarchiv*, vol. 46, pp. 392–410.
- Heywood A. (2002) *Politics*. London: Palgrave Macmillan.
- Hillman A.L. (2009) *Gosudarstvo i ekonomicheskaya politika. Vozmozhnosti i ogranicheniya upravleniya* [State and economic policy. The possibilities and limitations of management] Moscow: GU HSE.
- Hodgson G. (2007) Meanings of Methodological Individualism. *Journal of Economic Methodology*, vol. 14, no. 2 pp. 211–226.
- Kahneman D., Tversky A. (Eds). (2000) *Choices, values and frames*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Kaneman D., Tverski A. (2003) Ratsionalnyy vyibor, tsennosti i freymy [Rational choice, values and frames]. *Psihologicheskyy zhurnal*, no. 4, pp. 31–42.
- Kapelyushnikov R.I. (2013) Povedencheskaya ekonomika i “novyy” paternalizm [Behavioral economics and the “new” paternalism]. *Voprosy ekonomiki*, no.9, pp. 66–90; no. 10, pp. 28–46.
- Katona G. (1951) *Psychological Analysis of Economic Behavior*. New York: McGraw-Hill.
- Keblowski W. (2013) *Budzet Partycypacyjny: krótka instrukcyja obslugi*. Warszawa: Instytut Obywatelski.
- Kirdina S.G. (2013^a) *K pereosmyshleniyu printsipa metodologicheskogo individualizma*. [By rethinking the principle of methodological individualism]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Kirdina S.G. (2013^b) *Metodologicheskyy individualizm i metodologicheskyy institutsionalizm* [Methodological individualism and methodological institutionalism]. *Voprosy ekonomiki*, no. 10, pp. 66–89.
- Kirdina S.G. (2015) *Metodologicheskyy institutsionalizm i mezouroven sotsialnogo analiza* [Methodological institutionalism and mesosocial analysis]. *Sotsis*, no. 12. pp. 51–59.

- Kirdina S.G. (2014) Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v ekonomike i sotsiologii: problemy metodologii [Interdisciplinary studies in economics and sociology: problems of methodology]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 60–75.
- Knats Yu., Sobornikov I., Tislenko D. (2010) “*Protsentnaya filantropiya*”: o organizatsii [“Percentage philanthropy”: the possibility to introduce in Russia the tax on non-profit organizations maintenance]. (http://tmbv.info/index.php?option=com_content&view=article&id=7323:1-r-&catid=331:2010-08-03-08-28-12&Itemid=400).
- Kovelman A.B. (1996) *Tolpa i mudretsyi talmuda* [The crowd and the rabbis]. Moscow–Jerusalem: Evreyskiy universitet v Moskve.
- Kurbatova M.V., Levin S.N. (2013) Metodologicheskie alternativyi “ekonomicheskogo meynstrima”: sravnitel'naya karakteristika [Methodological alternatives of “economical mainstream”: the comparative characteristic]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 76–89.
- Kuti E., Vajda A. (2000) *Citizen's Votes for non-Profit Activities in Hungary*. Nonprofit Information and Training Center – non-Profit Research Group.
- Laffon J.-J. (2007) *Stimuly i politekonomiya* [Incentives and Political Economy]. Moscow: GU HSE.
- Lefevr S. (2008) Sotsialnaya rol predpriyatii v Rossii: ob'yasnitelnyye vozmozhnosti termina “paternalizm” [The social role of enterprises in Russia, the explanatory power of the term “paternalism”]. *Mir Rossii*, no. 3, pp. 149–170.
- Leschak O.V. (2002) *Ocherki po funktsionalnomu pragmatizmu: Metodologiya–ontologiya–epistemologiya* [Essays on functional pragmatism: Methodology–ontology–epistemology]. Ternopol–Keltse: Pidruchniki & posibniki.
- Libman A.M. (2013) Sotsialnyy liberalizm, obshchestvennyy interes i povedencheskaya ekonomika [Social liberalism, the public interest and behavioral economics]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 27–38.
- Lijphart A. (1977) *Democracy in Plural Societies: a Comparative Exploration*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Lijphart A. (1997) *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh* [Democracy in multicomponent societies]. Moscow: Aspekt Press.
- Lijphart A. (1999) *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-six Countries*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Mayerson R. (2010) Ravnovesie po Neshu i istoriya ekonomicheskoy nauki [Nash equilibrium and the history of economic science]. *Voprosy ekonomiki*, no. 6, pp. 26–43.
- Melnik D.V. (2015) Kontseptsiya sotsialnogo liberalizma na “rynke idey” sovremennoy Rossii [The concept of social liberalism in the “marketplace of ideas” of modern Russia]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 43–53.
- Mizes L. fon (2005) *Chelovecheskaya deyatelnost: traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human activities: a treatise on economic theory]. Chelyabinsk, Sotsium.
- Modernizatsiya i ekonomicheskaya bezopasnost Rossii*. (2010) [Modernization and economic security in Russia] Ed. by N. Petrakov. Moscow: Rossiyskaya akademiya nauk, Otdelenie obshchestvennykh nauk, Sektsiya ekonomiki.
- Müller Ch., Tietzel M. (2002) “Merit goods from a constitutional perspective”. *Method and morals in constitutional economics. Essays in honor of James M. Buchanan*. Berlin & New York: Springer, pp. 375–400.
- Musgrave R.A. (1969) Provision for Social Goods. *Public Economics*. London–Basingstoke: MacMillan, pp. 124–144.
- Musgrave R.A. (1959) *The Theory of Public Finance*. New York–London.
- Musgrave R.A., Musgrave P.B., Kullmer L. (1994) *Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis*, Band 1, 6. Tübingen: Auflage .
- Ndzhoku R. (1999) Chto takoe konsotsionalizm? [What is consociationalism?] *Praktika federalizma. Poiski alternativ dlya Gruzii i Abkhazii* [The practice of federalism. The search for alternatives for Georgia and Abkhazia], pp. 300–312 (http://poli.vub.ac.be/publi/orderbooks/federal_r/12njoku.pdf).
- Noiriel G. (1988) Du patronage au paternalisme: la restructuration des formes de domination de la main d'oeuvre ouvrière dans l'industrie métallurgique française. *Le Mouvement social. Paternalismes d'hier et d'aujourd'hui*, № 144.
- Nort D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsialnyye poryadki: Kontseptualnyye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: a Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izd–vo In–ta Gaydara.

Ormonbekov Zh. (2007) Teoriya konsotsionalizma Arenda Leypharta [Theory of consociationalism by Arend Lijphart]. *Zhurnal "Kazanskiy federalist"*, no. 1–2, pp. 92–108.

Pavlov I.A. (2011) *Fenomen "ukloneniya ot dvusmyslennosti" v teorii ratsionalnogo vyibora* [Behavioral economic theory – a positive approach to the study of human behavior]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.

Pavlov I.A. (2007) *Povedencheskaya ekonomicheskaya teoriya – pozitivniy podhod k issledovaniyam chelovecheskogo povedeniya* [The phenomenon of "avoidance of ambiguity" in the theory of rational choice]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.

Perrot M. (1979) Le regard de l'Autre: les patrons français vus par les ouvriers (1880–1914) // *Le patronat de la seconde industrialisation, études rassemblées par M. Levy-Leboyer*. Paris: Éditions Ouvrières.

Pique de Bry F. (1980) *Le paternalisme dans l'opinion des industriels français du XIXeme siècle*. These d'Etat en Sciences Economiques. Paris: Univ. de Paris 1.

Platon (1971) *Gosudarstvo* [State]. Platon. Sochineniya [Works] In 3 v. V. 3. Moscow: Mysl'.

Polischuk L.I. (2013) Outsorsing institutov [Outsourcing of institutions]. *Voprosy ekonomiki*, no. 9, pp. 40–65.

Polterovich V.M. (2015) Ot Sotsialnogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From social liberalism to cooperation philosophy]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4. pp. 41–64.

Polterovich V.M. (2002) Politicheskaya kultura i transformatsionniy spad [Political culture and transformational recession]. *Ekonomika i matematicheskie metody*, no. 4. pp. 95–103.

Polterovich V.M. (2011) Stanovlenie obschego sotsialnogo analiza [Formation of the general social analysis]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 101–111.

Polterovich V.M., Popov V.V. (2007) Demokratizatsiya i ekonomicheskiy rost [Democratization and economic growth]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 13–27.

Polterovich V.M., Popov V.V., Tonis A.S. (2008) Nestabilnost demokratii v stranah, bogatyih resursami [Democratization and economic growth]. *Ekonomicheskij zhurnal HSE*, no. 2. pp. 176–200.

Radyigin A., Entov R. (2012) "Provaly gosudarstva": teoriya i politika ["Government failure" theory and policy]. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 4–30.

Rubinshteyn A.Ya. (2015) Ekonomicheskij krizis i novaya paradigma obschestvennoy podderzhki opekaemykh blag [The economic crisis and the new paradigm of public support of sponsored goods]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no. 2, pp. 264–269.

Rubinshteyn A.Ya. (2010) Ekonomicheskij krizis i sotsialnaya politika. Vmesto zaklyucheniya [The economic crisis and social policy. Instead of a conclusion]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no. 6, pp. 163–164.

Rubinshteyn A. (2011) K teorii opekaemykh blag. Neeffektivnyye i effektivnyye ravnovesiya [The theory of sponsored goods. Ineffective and effective balance]. *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 65–87.

Rubinshteyn A.Ya. (2008) K teorii ryinkov "opekaemykh blag" [On the theory of markets "sponsored goods"]. Moscow: IE RAN.

Rubinshteyn A.Ya. (2009^a) K teorii ryinkov "opekaemykh blag". Statya I. Opekaemye blaga i ih mesto v ekonomicheskoy teorii [On the theory of markets "sponsored goods". Article I. took care benefits and their place in economic theory]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 139–152.

Rubinshteyn A.Ya. (2009^b) Meritorika i ekonomicheskaya sotsiodinamika: diskussiya s R. Masgreyvom [Meritorika and economic Sociodynamics: discussion with R. Musgrave]. *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 98–109.

Rubinshteyn A.Ya. (2014) Metodologicheskij analiz teorii opekaemykh blag [Methodological analysis of sponsored goods theory]. *Urbi et Orbi* in 3 v. Vol. 1 Teoreticheskaya ekonomika [Theoretical Economics]. St. Petersburg: Aletyya.

Rubinshteyn A.Ya. (2005) Nauka, kultura i obrazovanie: prepyatstvie ili uslovie ekonomicheskogo rosta? [Science, culture and education: an obstacle or a condition for economic growth?]. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 32–40.

Rubinshteyn A.Ya. (2013) *Opekaemye blaga v optike sravnitel'noy metodologii* [Sponsored goods in the optics of comparative methodology]. Moscow: IE RAN.

Rubinshteyn A.Ya. (2012) Sotsialniy liberalizm: k voprosu ekonomicheskoy metodologii [Social liberalism: to the question of economic methodology]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 13–34.

- Rubinshteyn A. (2012) Studying “Sponsored Goods” in Cultural Sector Symptoms and Consequences of Baumol’s Cost Disease. Creative and Knowledge Society. *International Scientific Journal*, no. 2, pp. 35–57.
- Rubinshteyn A. (2013) Studying “Sponsored Goods” in Cultural Sector. Econometric model of Baumol’s disease. Creative and Knowledge Society. *International Scientific Journal*, no. 3, pp. 36–58.
- Rubinshteyn A.Ya., Muzyichuk V.Yu. (2014) Optimizatsiya ili degradatsiya? Mezhdru proshlyim i buduschim rossiyskoy kulturey [Optimization or degradation? Between the past and the future of Russian culture]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’*, no. 6, pp. 5–22.
- Rubinshteyn A.Ya., Sorochkin B.Yu. (2003) Analis meshanizmov gosudarstvennogo finansirovaniya sfery kulturey [Analysis of the mechanisms of public financing of cultural sphere]. *Finansovyye aspekty reformirovaniya otrasley sotsialnoy sfery* [Financial aspects of the reform of the social sphere]. Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda, Ser. no. 60R “Nauchnyye trudy”.
- Samuel G. (2010) *Liberalizm. Opyit izlozheniya printsipov i programmyi sovremennogo liberalizma* [Liberalism. Experience statement of principles and program of modern liberalism]. Moscow: URSS.
- Samuelson P.A. (1954) The pure theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*, no. 4, pp. 387–399.
- Saymon G. (1994) Ratsionalnost kak protsess i produkt myshleniya [Rationality as a process and a product of thinking]. *THESIS*, vip. 3, pp. 13–38.
- Schmidt K. (1988) Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern. *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. Vol.108. Jahrgang. Heft 3, S. 383–403.
- Schneider W., Shiffrin R.M. (1977) Controlled and Automatic Human Information Processing I. Detection, Search, and Attention; Processing II. Perceptual Learning, Automatic Attending and a General Theory. *Psychological Review*, no. 1, pp. 1–66; no. 2. pp. 127–190.
- Shefrin H.M., Thaler R. (1978) *An Economic Theory of Self*. Center for Economic Analysis of Human Behavior and Social Institutions. Working Paper No. 208.
- Shlyuhter V. (2004) Deystvie, poryadok i kultura: osnovnyye chertyi veberianskoy issledovatel’skoy programmyi [Action, procedure and culture: the main features of Weberian research program]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2004, no. 2, pp. 22–50.
- Shumpeter Y. (2001) *Istoriya ekonomicheskogo analiza*: v 3-h t. [History of Economic Analysis: 3 Vols], vol. 3. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola.
- Simon H.A. (1957) *A Behavioral Model of Rational Choice*, in *Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting*. New York: Wiley.
- Simon H.A. (1955) A Behavioral Model of Rational Choice. *Quarterly Journal of Economics*, no. 1, pp. 99–118.
- Simon M.E., Furman E.D. (2015) *Problema vyirabotki politicheskogo kompromissa: institutsionalnoe izmerenie* [The problem of development of political compromise: an institutional dimension] Moscow: IE RAN.
- Stigler G. (1971) The Theory of Economic Regulation. *Bell Journal of Economics*, vol. 2, pp. 3–21.
- Sunstein C., Thaler R. (2003). Libertarian paternalism is not an oxymoron. *Univ. of Chicago Law Review*, vol. 70, pp. 1159–1202.
- Sunstein C., Thaler R. (2009) *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Tambovtsev V.L. (2013) Metodologicheskyy analiz i razvitie ekonomicheskoy nauki [Methodological analysis and development economics]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’*, no. 4, pp. 42–53.
- Tambovtsev V.L. (2014) Obshchestvennyye blaga i obshchestvennyye interesy: est li svyaz? [Public goods and public interests: is there a connection?]. *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 25–40.
- Tambovtsev V.L. (2008) Perspektivy “ekonomicheskogo imperializma” [Prospects of “economic imperialism”]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’*, no. 5, pp. 129–136.
- Temnitskiy A.L. (2015) Paternalistskie osnovy rossiyskoy tsivilizatsii v sfere truda [Paternalistic foundations of Russian civilization in the employment sphere]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, no. 2, pp. 51–69.
- Thaler R.H. (2000) From Homo Economicus to Homo Sapiens. *Journal of Economic Perspectives*, no. 1, pp. 133–141.

Thaler R.H., Shefrin H.M. (1981) On Economic Theory of Self-control. *Journal of Political Economy*, no. 2, pp. 392–406.

Tietzel M., Muller C. (1998) Noch mehr zur Meritorik. *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. Berlin: Duncker & Humblot.

Tihonova N.E. (2013) Sotsialnyiy liberalizm: est li alternativa? [Social Liberalism: is there an alternative?]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 32–44.

Toboso F. (2001) On Institutional Individualism and Institutional Change: the Search for a Middle Way Mode of Explanation. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 25, no. 6, pp. 765–783.

Udehn L. (2002) The Changing Face of Methodological Individualism. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, pp. 479–507.

Urnov M.Yu. (2014) *Rossiya virtualnyie i realnyie politicheskie perspektivy* [Russian virtual and real political prospects]. Moscow: HSE.

Urnov M.Yu. (2013) Sotsialnyiy liberalizm v Rossii (vzglyad politologa) [Social liberalism in Russia (political expert opinion)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 30–43.

Weber M. (1968) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: Auflage.

Yakobson L.I. (2016) Sotsialnaya politika yuvenalnogo obschestva [Social policy in a juvenile society]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 90–102.

Yanovskiy K.E., Zhavoronkov S.V. (2013) Plodyi sotsialnogo liberalizma i nekotoryie prichinyi ustoychivogo vyibora neeffektivnyih strategiy [Fruits of social liberalism, and some reasons for sustainable selection of inefficient strategies]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 61–74.

Zaostrovsev A.P. (2015) Sotsialnyiy liberalizm: analiz s pozitsiy avstriyskoy shkolyi [Social liberalism: an analysis from the Austrian school standpoint]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 64–74.

© А. Рубинштейн, 2016